Досье на невесту

Автор:

[Арина Ларина](#)

Досье на невесту

Арина Ларина

Вике Муравьевой не везло с мужчинами. Такие, как Том Круз, ей не попадались, а на других она была не согласна. Да и себя Вика считала толстой и непривлекательной – а потому круг замыкался. Но вдруг случилось чудо... Красавец по имени Дмитрий влюбился в эту пухлую простодушную девчонку – и позвал замуж. Наконец-то солнце счастья поднялось из-за горизонта! Но не тут-то было: мать жениха не теряла бдительности. И то, что она сообщила, поставило возможность свадьбы под угрозу: оказывается, невеста сына замечена в связи с его отцом! Стыд, позор... Вика пытается оправдаться – но еще больше топит себя. Неужели правда, – нет толстушкам счастья в этом мире?..

Арина Ларина Досье на невесту

Вика грустно перебирала немногочисленные наряды, заранее подозревая, что проиграет всем приглашенным на вечеринку девчонкам. Она печально посмотрела на огромную зеркальную дверцу шкафа, единственную мало-мальски ценную вещь в доме. Зеркало отражало нерешительно переминавшуюся с ноги на ногу полноватую девушку девятнадцати лет от роду, с мягким круглым лицом, небольшими серыми глазами, трогательно вздернутым носиком и пышным хвостом пшеничных волос. Ничего особенного в ее лице не было, кроме приятной простоты и очаровательной улыбки, но Вика и этого не замечала. Она видела только пухлую талию, тяжелые бедра и толстенные икры коротких крепких ног. Еще взгляд омрачал неудачный изгиб плохо завившейся челки, слишком полные губы и здоровенный багровый прыщ на лбу, словно нарочно вскочивший не раньше, не позже, а именно к празднику. На самом деле прыщ

сначала был крохотной розовой точкой, под мощным натиском Вики превратившейся в вулкан, но в этом она даже себе признаваться отказывалась, списывая все на судьбу, обошедшую ее своим вниманием по всем параметрам. Хорошо она выглядела только на пляже, где стройные и гибкие однокурсницы и подружки, так замечательно смотревшиеся в модных шмотках на улицах города, терялись на фоне аппетитной Вики, притягивавшей взгляды кавалеров четвертым номером бюста. Во всяком случае, ей очень хотелось думать, что хотя бы там она выглядит на все сто, иначе жизнь вообще теряла всякий смысл. Вика была слишком скромной, слишком тихой, почти незаметной, поэтому подруги обожали брать ее с собой на всякие мероприятия, чтобы посверкать на ее фоне, демонстрируя ухажерам свое отточенное чувство юмора, плавные изгибы тонких тел и вообще сугубо женскую привлекательность, так замечательно оттеняемую пухлощечкой Вики, похожей на молчаливую матрешку. Она не была глупой, просто почему-то начинала стесняться в присутствии молодых людей, боясь привлечь к себе внимание.

– Эх, Вичка, – сказала ей как-то в порыве откровенности Марина Бульбенко, первая красавица курса. – Я бы с удовольствием поменяла свои ноги на твою грудь. Жаль, что меня никто не спрашивает, чего мне не хватает для счастья.

Вика тогда с интересом посмотрела на изумительной длины и формы Маринкины ноги и подумала, что тоже с удовольствием поменялась бы. Особенно ей нравились ультракороткие юбки, при помощи которых Маринка не только ничего не прикрывала, а, наоборот, беззастенчиво демонстрировала, при каждом удобном случае садясь на подоконники, скамейки и столы. По институту ходил анекдот про очкастого аспиранта с кафедры литературоведения, который, идя мимо взгромоздившейся на подоконник Маринки и пытаясь разглядеть своими близорукими глазенками цвет ее нижнего белья, упал на лестнице и сломал себе руку. Над аспирантом долго смеялись, а вот к Маринке резко возрос интерес.

– Вот что значит качественный PR, – хохотала Бульбенко и строила глазки всем проходящим мужчинам, независимо от их возраста и финансового положения.

– Слушай, они за тобой и так, как оводы за коровой, стаями носятся, зачем ты их лишний раз провоцируешь? – с тоскливой завистью поинтересовалась Вика.

– Может, у меня комплексы, – хихикала Маринка, сверкая гладкими коленками. Судя по поведению, она очень смутно представляла себе значение слова «комплексы», хотя душой, безусловно, не была.

– Ты меня слушай, – поучала она Вику, нравившуюся ей своей неконфликтностью. – Себя надо ценить. Сначала найди в себе плюс, а потом гордись им и трясись направо и налево. Вот у мужиков плюс всего один, а сколько понтов – страшное дело!

– У меня нет плюсов, – жалобно напрашивалась на комплимент Вика, со вздохом оглядывая Маринку, у которой этих самых плюсов было в избытке.

И Бульбенко великодушно утешала ее:

– Мало, но есть. Правый и левый. С такими плюсами можно брать города. У тебя ошибочное отношение к жизни и к мужикам. Когда ты приходишь в магазин за колбасой, ты же не хватаешь первую попавшуюся палку... Ну хорошо, хорошо, застенчивая ты наша, – гоготала она, глядя на стремительно заливающуюся краской Вику, страшно стеснявшуюся подобных тем, – за хлебом! Ты приходишь за хлебом. Так вот ты же не хватаешь первый попавшийся батон, а проверяешь их на мягкость. В жизни то же самое. Брать надо самый твердый!

– Мягкий, – опрометчиво поправила ее Вика.

– О! – закатила красиво подведенные глаза Маринка. – Ты неисправима. У меня такое чувство, что, даже учитывая современное изобилие товаров, ты явно останешься без хлеба вообще!

– Я хлеб не ем, – гордо сказала периодически садившаяся на непродолжительную диету Вика.

– Я вижу, – насмешливо кивнула Бульбенко, не уточняя, какой именно хлеб она имела в виду в данном случае. Ее улыбка была одинаково обидной при любом раскладе.

Красивой и стильной Маринке нравилось заботиться о Вике и, как она говорила, выводить ее в люди. Бульбенко была уверена, что без нее Вика зачахнет в пыльном углу одинокой и злобной бабкой. Вика с радостью принимала эту помощь, надеясь избавиться от позорной в наше время девственности.

Но это оказалось не так просто.

Начали они с совместных прогулок по центру города. Стоял душный июнь, позволявший оголить все, что только можно.

- Не вздумай надеть лифчик, - сурово предупредила Вику Марина. - Иначе ничего не будет видно!

- Ты что! - перепугалась выгуливаемая. - Если я его не надену, то видно будет все и даже больше!

- А что, тебе есть еще что показать? - сурово пригвоздила ее Маринка, выворачивая наизнанку правду жизни.

В результате Вика пошла в лифчике, но, сделав уступку неизвестно кому, надела кофточку с огромным декольте. Когда-то это была обычная футболка с большим вырезом, но пара стирок превратила некачественную вещь в нечто запредельное по цветовой гамме и растянутости отверстий.

- Да уж, - трагически констатировала ожидавшая ее у эскалатора метро Маринка, вокруг которой уже нарезали круги разнокалиберные мужички, словно акулы вокруг наживки. - Полный отстой. Жаль, что тебе из моего ничего не подходит.

Хорошее настроение моментально покинуло «отстойную» модницу, и она сдулась, как проколотый шарик.

Заметив, что гулянье под угрозой срыва, Маринка компенсировала свое сообщение небольшим дополнением:

- Зато бюст у тебя то, что надо, совхозные буренки от зависти сдохли бы. Неси его, как знамя революции: гордо и с достоинством.

Вика слегка приободрилась.

– Смотри, чего у меня, – Маринка гордо выпятила впалый живот. На пупке болтался маленький колокольчик.

– Кошмар какой, это же больно, наверное, – с искренним состраданием вырвалось у Вики.

– Красота требует жертв, – любясь позвякивающей безделушкой, прошептала Марина.

– Мне очень нравится! – тут же влез какой-то прыщавый юнец, изнывавший от полового безделья. Смерив его оценивающим взглядом и сделав для себя определенные выводы, Бульбенко отрезала:

– Если нравится, вставь себе такой же. Могу даже предположить, где у тебя звенеть будет!

Парня сдуло.

– Зря ты так, – с сожалением посмотрела ему вслед Вика.

– Отомри. Нам такое не надо. Глупо набрасываться на салаты, если впереди нас ждет заливной поросенок.

Находящаяся в стадии очередного диетического голодания Вика жалобно сглотнула и отогнала образ поросенка с хрустящей корочкой, пытающегося за нею приударить.

В результате через час они ехали в умопомрачительном джипе под могучие раскаты Rammstein... В компании двух полубандитов приятной наружности.

– Надеюсь, ты не очень боишься лишиться невинности? – на всякий случай шепнула ей Маринка, когда поблескивавший лаковыми боками джип притормозил рядом.

– Нет, – с жаром выкрикнула Вика и с надеждой уставилась на подругу. Когда Вика гуляла в одиночестве, надеясь с кем-нибудь познакомиться, то обычно к ней приставали удрученные многочисленными заботами отцы семейства, лысеющие казановы или густо усыпанные подростковыми прыщами парни, загипнотизированные объемом ее верхней части. Такие шикарные машины еще никогда рядом с ней не останавливались.

– Тогда учись, девушка, – подмигнула ей Маринка и ускорила шаг, потянув за собой едва не завалившуюся от неожиданности Вику.

Она спешила за длинноногой Бульбенко и переживала, как в анекдоте: а не слишком ли быстро я бегу. Машина красивым хищным зверем тихо кралась следом.

– Девушки, вы торопитесь? – глубокий бархатный голос заставил Вику напрячься, и она с трудом удержалась от соблазна оглянуться.

Зато Маринка, со вкусом продемонстрировав свой тонкий профиль и мотнув медно-красным кудрявым хвостом, гордо бросила:

– Да!

И снова поволокла за собой непроизвольно упиравшуюся Вику.

– Тогда мы можем вас подвезти, – голос не отставал, сливаясь с ласковым шуршанием толстых шин. Видимо, парень не планировал пачкать дорогую обувь, догоняя девиц пешком.

– Ага! – Марина остановилась так неожиданно, что не успевшая сориентироваться Вика снарядом пролетела мимо нее и резко развернулась, поскольку Бульбенко оказалась сильной, как многотонный якорь, и дернула разогнавшуюся подругу назад, приведя Викины достоинства в долгий колебательный процесс. Водитель восхищенно цокнул языком, заставив девушку густо покраснеть:

– Такие девушки не должны ходить ножками.

– А то ножки стопчутся и станут короткими, – хрипловатым баском гоготнул плохо различимый пассажир.

Вика покраснела еще сильнее, тут же приняв глуповатую остроту на свой счет. Хамоватого парня сквозь тонированное стекло разглядеть было невозможно, зато водитель с удовольствием выставил в окошко свое породистое лицо, сиявшее белоснежной улыбкой, как клавиатура нового рояля. Мужчина был не просто красивым, он был холеным, уверенным в себе и от этого – наглым.

Маринка отчетливо засопела, как молодая кобылка в предчувствии победного забега.

– Здравсьте, – нарушила паузу Вика, побоявшаяся, что кавалеры, не дождавшись согласия, уедут.

– Здравсьте-здасьте, – из-за плеча водителя появилась топорная рожа, не лишенная некоторой мужской привлекательности и интересная именно своей непропорциональностью: между двух маленьких, глубоко посаженных глазок спелой грушей висел мясистый нос, под которым улыбались толстые губы в обрамлении свежей щетины.

– Чур, мой – водитель, – шепнула Вике в ухо моментально сориентировавшаяся Маринка.

Вика более пристально и внимательно посмотрела на пассажира, искренне считая его своей пусть временной, но собственностью.

– Ну, я так понимаю, что барышни уже определились, – хмыкнул водитель. – Осталось разобраться с маршрутом.

– Вот еще, – Маринка снова строптиво мотнула хвостом. – Пошли, Викуля. Юноши заблудились. Район красных фонарей, мальчики, по другому адресу.

– Да, – согласно вякнула Вика, чтобы хоть как-то поучаствовать в разговоре.

– О, ситуация проясняется. – Парень вышел из машины, поскольку не желавшие знакомиться девушки тем не менее и уходить не торопились. – Значит, вы –

Вика.

Он скользнул взглядом по смутившейся девушке и с интересом начал разглядывать Марину, начав снизу:

– А вы?.. – спросил он у презрительно наблюдавшей за транспортным потоком Бульбенко.

– А я – не Вика! – процедила та, не удаивая навязчивого кавалера взглядом.

– Это я как раз вижу, – с удовольствием констатировал парень, а Вика тут же нахохлилась, как обычно, углядев в совершенно ничего не значащей фразе что-то обидное для себя.

– А больше вы, случайно, ничего не видите? – едко поинтересовалась Марина, наконец повернувшись к нему и тоже придирчиво оглядев претендента. Судя по выражению ее лица, выдававшему ее с головой, как радостно трясущийся хвостик выдает эмоции наивного щенка, парень имел все шансы на успех.

– О, если я начну перечислять все те достоинства, которые я тут вижу, дня не хватит, – лениво улыбнулся он. – Да и вам будет скучно. Вы-то эту красоту каждый день в зеркале видите, а мне в кои веки раз представилась такая волшебная возможность. Уж не лишайте меня радости, будьте снисходительны.

Маринка, побоявшаяся перегнуть со своей неприступностью, интуитивно поняла, что настал переломный момент, и неуверенно протянула:

– Ну я не знаю... Вик, ты как?

Вика была очень даже «за», единственное, что ее смущало, – это опасность столь быстрым и опрометчивым согласием уронить свою цену, и неуверенность в том, что вечер закончится именно так, как ей этого хотелось бы, а именно – не в морге, с последующим упоминанием фамилий двух наивных дур в статье про маньяков.

С другой стороны, кто не рискует, тот не пьет шампанское...

– Я тоже не знаю, – неожиданно для себя сурово ответила она. – Все зависит от культурной программы. Если, конечно, программа планируется именно культурная, а не какая-то другая.

– Смотря как понимать слово «культура», – неожиданно сумничал «грушеносый» из прохладной полутьмы салона.

– Если вы допускаете разночтения в значении этого слова, то, боюсь, мы не сможем составить вам компанию по причине кардинального расхождения интересов.

Вика в ужасе слушала вываливающиеся из нее сентенции, прерванные лишь мощным тычком в спину, последовавшим от Маринки.

– О, не беспокойтесь, мы знаем, как доставить удовольствие интеллигентным и образованным девушкам! – успокоил их водитель, продолжая гипнотизировать Бульбенко, безошибочно распознав в ней старшую группы.

– Угу, – словно филин в дупле, радовался второй, сотрясая своим смехом подрагивающий джип. – И интеллигентных, и приезжих – всех отоварим.

– Яша, заткнись, – не выдержал водитель. – Ты своими шутками пугаешь не только девушек, но и меня.

Яша немедленно умолк, положившись на своего спутника.

«Яковлевич, Яковлевна... – машинально подумала Вика, от скудости выбора постоянно на каждого мало-мальски подходящего мужчину примеривавшая узы Гименея. – Нет, к такому отчеству и имя-то не подберешь. Ребенок потом всю жизнь будет страдать».

Она с сожалением стрельнула глазами в тонированное стекло, за которым корчился от смеха остроумный пассажир.

– Мы можем вместе поужинать, а потом погулять по городу, – попытался выровнять ситуацию водитель. – Кстати, Юрий.

Он картинно поклонился, вызывая Маринку на ответную откровенность. Судя по тону, он уже распланировал сегодняшний вечер и возражений не принимал.

- Ладно, только смотрите: поесть и погулять. Никаких дач, квартир и загородных поездок, - погрозила пальчиком Маринка.

- Вот и договорились! - Он и не ожидал отказа, потирая руки с таким удовольствием, словно девушки, наоборот, предложили сразу переходить к делу.

- Мы сядем сзади, - предупредила Бульбенко, строго сведя красивые брови.

- Как скажете, - Юрий распахнул двери, приглашая садиться.

Вике стало невероятно страшно, словно он не двери джипа открыл, а одеяло откинул. Она беспомощно посмотрела на Марину.

- Давай, давай, - шепнула та, - не понравится, поедим и отвалим.

Представив себе двух насосавшихся клещей, сытно отваливающих от собаки-кормилицы, Вика в очередной раз покраснела. Ей стало стыдно и страшно от мысли, что Маринка действительно сможет так поступить.

- Так как же зовут принцессу? - Яша, просунувший между сиденьями кастрюлеобразную башку, вблизи оказался еще более обаятельным и в то же время жутковатым.

Вика поежилась, хотя на нее он даже не посмотрел. Оба парня разговаривали исключительно с Маринкой, как будто других дам в машине не было. Вика привыкла, что ее, по неизвестной причине, игнорируют, словно она жила, нахлобучив шапку-невидимку, но в данной ситуации, когда расклад сил можно было расценивать как «два на два», это было возмутительно. Через полчаса кружения по городу в салоне обозначился отчетливый треугольник. Уставшая вставлять междометия в чужую беседу, Вика печально смотрела в окно джипа.

Ни в какой ресторан они, конечно, не поехали, а, проскочив пыльный город, прибыли на дачу. Особнячок из красного кирпича, украшенный с цыганским

шиком какими-то башенками, вензелями и прочей поблескивающей на солнце мишурой, как оказалось, принадлежал Яше.

– Слушай, в принципе я не настаиваю, выбирай любого, – запыхтела Бульбенко, разглядывая выбравшегося из машины хозяина, оказавшегося под стать своей физиономии слепленным из крупных корявых деталей, в комплекте составлявших здорового амбала под два метра ростом. Судя по аксессуарам, Яша был весьма равнодушен к золоту, поскольку, кроме якорной цепи на шее, он еще был украшен золотыми часами размером с небольшое кофейное блюдце, болтавшимися на мощном волосатом запястье, и печаткой на пальце, похожей на гайку от трактора «Беларусь».

Кавалеры тоже посовещались, залиvisto поржав, в связи с чем Маринка самодовольно хихикнула, а Вика испуганно съежилась. Вопреки радужному настрою Бульбенко, Вика относилась к своей судьбе менее легкомысленно, поэтому в голову лезли то обрывки рассказов про извращенцев и маньяков, то варианты ее позорного изгнания из этого краснокирпичного рая. Кроме того, выпитый по дороге сок устал томиться в организме и требовал свободы и независимости, заставляя и без того неловко чувствовавшую себя Вику затравленно шнырять глазами по сторонам в поисках какой-нибудь деревянной будочки.

– Чего ты озираешься, как в лесу? – не выдержала Маринка.

– В туалет хочу.

– Мальчики, – немедленно завопила бескомплексная Бульбенко под полным ужаса взглядом подруги, – мы хотим привести себя в порядок!

«Мальчики» поняли все правильно, и Вика в который раз убедилась, что жизненный опыт, по крупицам набранный компанейской Маринкой, бесценен, а легкость в общении проистекает именно из возможности совершенствовать этот опыт на практике.

– Классно ты придумала, – искренне восхитилась Вика, когда девушки закрылись в кафельно-фаянсовом зале Яшиных апартаментов.

Марина тем временем хмурилась и пристально оглядывала убранство комнаты.

– Ты чего? – Вика уже повеселела: жизнь перестала казаться плоской, приобретает интригующие изгибы и маня неожиданными поворотами.

– Да я смотрю, нет ли камер, а то, знаешь, есть любители...

Вот умела Бульбенко испортить настроение!

Пока Вика, судорожно путаясь в белье, приводила себя в порядок, Марина уже успела расслабиться, закончив свой придирчивый осмотр. К моменту, когда покрывшаяся розовыми пятнами переживаний Вика стояла по стойке «смирно», подруга уже переключилась на осмотр зубов, смешно гримасничая перед огромным зеркалом.

– Расслабься, – прошепелявила она, краем глаза узрев замершую у дверей Вику. – Нету тут ничего. Хотя...

– Что? – обмерла Вика, едва не расплакавшись. У нее было такое чувство, словно она шла-шла по зеленой полянке, весело напевая и подпрыгивая на одной ножке, и вдруг поняла, что это не полянка, а бездонная трясина, из которой эвакуироваться можно только при помощи вертолета, так как обнаружить дорогу назад уже невозможно.

– У них есть бассейн.

– И что?

– Ничего. Искупнемся.

– Так мы же без купальников, – Вика никак не могла взять в толк, является ли наличие пресловутого бассейна позитивным фактором или с ним может быть связана какая-нибудь непредсказуемая пакость.

– Зачем купальники, тут все свои.

– Кто это тут свой? Ты что, обалдела? Я не буду купаться голая при мужиках.

– Так это же наши мужики. Мы их арендуем у природы на эту ночь. Я же тебе говорила, будь проще. Раз угощают – бери и не отказывайся.

– Иногда, знаешь ли, особо экономные хозяйки норовят сделать салат из некондиции и подложить в тарелку что-нибудь несвежее, чтобы не пропало.

– Я смотрю, мы набирались опыта в разных местах. Ты бы придерживалась курса партии и правительства, а то тебя прибьет волной к необитаемому острову, и будешь ты киснуть старой девой.

– Но что они-то про нас подумают? Так сразу! Раз мы голые, значит, нас можно... того...

– Утопить! – хохотнула Маринка.

– Ужасно смешно. Просто блеск. Я имела в виду, что отдаваться незнакомому мужчине так сразу...

– Не поломавшись, – поддержала мысль веселящаяся Марина, – не набив себе цену...

– Без предварительного этапа, – рявкнула Вика, которой надоело чувство превосходства, выпиравшее из Бульбенко словно пух из старой подушки.

– Так это смотря что считать этапом, – не сдавалась Маринка. – На бибике тебя прокатили, соку дали...

– Я его уже вернула, – с горьким ехидством поведала ей Вика.

– Умница, – кивнула Маринка. – А теперь еще пойдешь и вернешь деньги за бензин и возмещешь мальчишкам моральный ущерб за потерянный вечер, и тогда они тебя точно утопят, хоть голую, хоть одетую. Ты в каком веке живешь? Что это за дикость: ты же сама согласилась ехать!

– Но я же согласилась только покататься и в ресторан!

– А платить по счетам!

- Так мы же не ели!

- Мыслить надо шире! Если ты соглашаешься на банкет, то будь готова мыть потом посуду.

- Обычно с банкета гости просто уходят. Я что-то не слыхала про такие банкеты, после которых народ за собой тарелки моет.

- Так то гости. А ты будь хозяйкой. В этой жизни гости - люди зависимые, их в любой момент могут попросить на выход. Надо быть хозяином, так сказать, директором заведения. - Маринка мечтательно вытянула руки и полюбовалась маникюром.

- И что, когда собеседование на должность директора? Прямо сейчас, в бассейне? - съязвила Вика.

- До директора надо дорасти, а мы сейчас просто официантки, ясно?

- Нет. Я на это не подписывалась.

- Ты гулять с какой целью пошла? Чтобы познакомиться?

- Ну.

- Гну! Познакомилась?

- Познакомилась. Только я не поняла, с кем. Мы про них ничего не знаем...

- А если бы это был кто-то другой, ты бы что, паспорт попросила?

- Нет, просто так быстро люди не переходят к заключительному этапу, - возмутилась Вика.

- Если для тебя купание в бассейне и эта ночь - заключительный этап, то прими мои соболезнования! - выдохнула Маринка. - У меня другая цель.

– Ага. Стать хозяйкой этого особняка, – понимающе кивнула Вика, не забыв презрительно сморщить носик.

– Хотя бы, но прежде надо прояснить для себя массу моментов, а именно: нет ли тут уже хозяйки, не прогадала ли я с особнячком, и вообще – нет ли в пределах досягаемости чего-нибудь более сладкого и более достойного меня. Мыслить надо так, иначе твою судьбу намотают на швабру и будут возить по мраморным полам метрополитена или подтирать лужи в пельменной.

– Девочки, вы скоро? – жизнерадостный вопль кого-то из мужчин, донесшийся из внутреннего двора, прервал полемику на самом интересном месте.

– Уже идем, – чирикнула Марина и ткнула Вику в бок: – Ты определилась с объектом?

– В смысле, с особнячком?

– О, да ты схватываешь все на лету, – гоготнула Маринка. – Пока я имела в виду только мальчиков.

– Не-а, мне все равно, – честно ответила Вика, представлявшая себе романтику Маринкиной жизни несколько иначе. Конечно, ей хотелось получать в подарок милые безделушки, ценой в несколько маминых зарплат, ходить по клубам и ресторанам хотя бы каждые выходные, а не раз в два месяца, скопив деньги на билет, хотелось, чтобы у выхода из института ее встречал кто-нибудь на машине, пусть даже на отечественной, чтобы водили по магазинам, возили по курортам... Да мало ли чего ей еще хотелось. Маринкины кавалеры выкарабкивались из салонов своих иномарок, шурша букетами, галантно запихивали Бульбенко в авто и отбывали сорить деньгами. Со стороны это выглядело более романтично, а на деле оказалось как-то пошло и простенько. А главное – скоропалительно.

Вике хотелось если не любви, то хотя бы немного романтики, уважения... Но раздеться перед посторонними мужиками, пусть даже и «арендованными у природы временно», – это бред! Она чувствовала себя мышью, которую поместили в клетку и поставили на бортик террариума. От ее высокопарных размышлений на тему нравственности решетка клетки не канет в Лету, а змеи не издохнут от стыда.

Когда девушки спустились к бассейну, оказалось, что для них уже готовы коктейли, а кавалеры наслаждаются летним солнышком в полуголом виде. Гладко-рельефный Юра в длинных семейных трусах цвета морской волны развалился в пестром кресле. Рядом, словно обожравшийся кот, жмурился Яша, густо покрытый черной шерстью, а от этого похожий на огромную обезьяну. Вика испуганно отвела глаза и начала сосредоточенно считать солнечных зайчиков, прыгающих по голубой поверхности воды.

– Девочки, вы так изумительно дополняете друг друга. – Юра легко вскочил и подал им коктейли.

Марина непринужденно села на освободившееся место и кокетливо протянула:

– Вот как? Меня надо дополнять? Вот это новость!

Вика судорожно впилась в соломинку и присосалась, торопливо сглатывая горчишную жидкость. Яша вяло разглядывал ее и молчал, явно думая о чем-то своем.

– Мариночка, вы само совершенство, – заходился Юрий, нервно подхихикивая, но тем не менее держа себя в рамках приличия.

Его токование прервал громкий, почти водопроводный всхлип. Разволновавшаяся Вика неожиданно допила коктейль, последняя капля которого с утробным стоном взлетела по трубочке, заставив всех присутствующих вспомнить об обделенной вниманием толстушке.

– Яша, что ты разлегся? – качнул головой Юрий. – Поухаживай за девушкой!

Судя по диалогам, периодически возникавшим между мужчинами, главным в этом тандеме был Юра, что Маринка с удовлетворением и констатировала.

– Как я за ней поухаживаю, если ты там крутишься. На пятки тебе наступать? – зевнул Яша.

Викина роль теперь тоже была ясна. Она даже не расценивалась как массовка. Ее просто здесь не было.

Маринка с Юрой пропали из поля зрения, оставив Вику наедине с некультурным Яшей, не желавшим напрягаться на выдавливание из себя комплиментов. Он доел остатки фруктов из бокала и заметил:

– Я вижу, ты от меня тоже не в восторге. – Проницательность Яши вильнула не в ту сторону, но обиженная словом «тоже» Вика спорить не стала.

Она тихо сидела в кресле и ждала Маринку. Яша заснул, раскорячив кривые волосатые ноги, и периодически всхрапывал. Коктейль почему-то на нее не подействовал, спать было страшно. Организм застыл в состоянии сжатой пружины, ожидающей момента, чтобы выстрелить кому-нибудь в лоб.

Примерно через час Яша неожиданно резко встал, покрутил шеей, разминая затекшие мышцы, потом еще раз задумчиво посмотрел на Вику и примирительно сказал:

– Пойдем, что ли.

Она задохнулась от возмущения, воздух отяжелел и комком застрял в сжавшемся от обиды горле. Из глаз произвольно брызнули злые слезы.

– О, вот этого нам не надо, – поморщился Яша. – Мы девочек не обижаем. Хочешь домой – пожалуйста. Не надо мне тут сырость разводить.

Вика шмыгнула носом и прошептала:

– Хочу домой.

Она готова была бежать домой пешком через лес, только бы скрыться от этого очередного позора.

– Вот подфартило, – с непередаваемой интонацией пожаловался сам себе Яша, после чего надел белые шорты с оранжевыми сердечками и, сунув волосатые ноги в шлепанцы, больше похожие на лыжи, куда-то пошел. Через минуту до Вики донесся его удивленный голос:

– Мадам, вы ждете второго приглашения?

Она заторможенно прошла через какую-то комнату на вопль: Яшина голова уже торчала из машины, а темно-зеленые ворота медленно разъезжались.

– Я сама дойду, – тихо пискнула Вика, опасаясь садиться к жуткому мужику, явно недовольному знакомством с ней.

– Да куда ты дойдешь? – хмыкнул он. – Ты хоть соображаешь, где находишься?

– Мне все равно.

– Надо же, обычно девушки ко мне более лояльны. Садись назад.

– Зачем? В смысле, почему назад? – шарахнулась Вика.

– Елки-палки, вот чумовая! Тогда вперед. Я думал, ты так меньше дергаться будешь.

– Дергаться? – Вика в ужасе оглянулась, прикидывая, что лучше: убежать в глубь участка и перемахнуть через забор или метнуться к воротам, а дальше нестись по кустам, как испуганный заяц.

– В хорошем смысле, – мотнул головой Яша, изо всех сил старавшийся быть вежливым. Ему было неприятно, что эта невзрачная девчонка категорически отказывается им интересоваться и всячески демонстрирует свое неприкрыто-неприятное отношение к нему. Ну не красавец, конечно, не Юрка, но раньше так откровенно никто его не отвергал.

– В хорошем?

– Слышь, ты, эхо! – не выдержал Яша. – Лезь в машину, я тебя до города довезу.

«С чего это вдруг такая забота?» – покрываясь липким потом от обилия дурных предчувствий, подумала Вика.

Нижняя губа у нее запрыгала, а на глаза опять навернулись слезы:

– Я ничего не сделала, я никому ничего не скажу!

– И я не скажу, – на полном серьезе кивнул Яша. – Было б что рассказывать! Слушай, ты мне надоела. Садись и поехали, сколько можно!

На негнущихся конечностях Вика начала штурмовать салон, вяло цепляясь руками за кожаную обивку. Нога соскальзывала с подножки, и она пару раз стукнулась подбородком о сиденье.

– Надо ж так назююкаться одним коктейлем, – раздраженно пошевелил челюстями Яша и попытался помочь незадачливой пассажирке.

Едва только Вика почувствовала на своей пятой точке его лапу, как тут же ракетой влетела в салон, треснувшись головой о потолок.

Яша злобно захлопнул за ней дверь, рыкнув напоследок:

– Я не заразный. Ишь, шуганулась.

Джип несся по дороге с сумасшедшей скоростью. Неожиданно машина затормозила, пронзительно взвизгнув покрывками.

– Ты точно со мной не хочешь? – Яша с сожалением оглянулся на Вику, но вопрос совершенно явно адресовался ее колыхавшемуся бюсту.

Пассажирка вжалась в сиденье и приоткрыла рот, готовясь заорать. За окном шумел густой лес.

– Все, не вопи, – замахал руками Яша и желчно сплюнул в окно. Таких ударов его мужское самолюбие еще не переживало.

Он сдал назад, и Вика с облегчением поняла, что джип возвращается к автобусной остановке, притулившейся у извилистой ленты шоссе.

– Двери не открываются, – жалостливо проныла она, глядя на Яшу, вылезавшего из машины. Он ее не услышал. Вика настороженно проследила за траекторией его движения. Мужик вразвалочку шел к остановке.

«Надо же, какое воспитание, – подумала она. – В кусты не можем, нам надо за будку».

Но она ошиблась. За остановкой стояла симпатичная высокая девица то ли в юбке, то ли без оной, с длинными тонкими ногами и абсолютным отсутствием вторичных половых признаков. О ее принадлежности к женскому полу говорила только ярко-розовая маечка в цветочек и многочисленные колечки-цепочки, щедро рассыпанные по тощему телу.

Яша о чем-то быстро переговорил с ней, и они, обнявшись, двинули к машине. Вика сжалась, ожидая чего-то жуткого. Но ничего не случилось. Девица мельком, без интереса глянула на нее и переключилась на Яшу.

– Элечка, а что ты пьешь? – в его голосе неожиданно появились медовые интонации.

– Белое вино, – томно прогундела Элечка.

– Сделаем, – оживился Яша.

– Только я дешевое не пью, – предостерегла его поселковая прима.

– Так и я дешевое не пью, – утешил ее Яша. – Я вообще не любитель дешевки. У меня все самое лучшее. И девочки тоже.

Эля хихикнула и потрепала Яшу по колючей щеке. Вика с отвращением наблюдала их брачные танцы, злясь на себя, на девицу, строившую из себя дорогую штучку, на глупого Яшу, польстившегося на эту рыбью кость, и на Маринку, втянувшую ее в дурацкую историю.

У супермаркета Яша галантно выгрузил обеих девиц, недвусмысленно напутствуя покрасневшую Вику:

- Прощайте, барышня. Хорошего вам дня.

После чего подхватил подобранную на дороге вешалку за костлявый локоток и, приседая от избытка эмоций, поскакал в магазин.

На следующий день ей позвонила Маринка.

- А куда ты пропала? - прочирикала Бульбенко, но голос у нее был виноватый.

- За грибами пошла, - надулась Вика.

- Зря. Яша с тобой ходил?

- Частично.

Маринка озадаченно затихла, переваривая сообщение. Поскольку Вика тоже молчала, Маринка дополнила:

- Он, похоже, отбился от стаи грибников и приволок нам какую-то бледную поганку.

- Видела я ее, не напрягайся. - Вике было ужасно неприятно обсуждать все это, поэтому она попыталась попроситься с Бульбенко. Но Маринка прилипла, как голодная пиявка:

- Ты гробишь свою молодость непонятно на что! - высокопарно начала она, но тут же была грубо оборвана Викой.

- Зато ты понятно, на что тратишь. Надеюсь, Юрик твой дозвонился? - желчно добавила отвергнутая кавалерами Вика, намекая на колокольчик, продемонстрированный Маринкой в метро.

- Дозвонился, не переживай. У нас всегда все дома, не то что у некоторых! У Яши, между прочим, своя строительная контора!

– О, это чрезвычайно приподняло его в моих глазах! Рада за него, передай привет процветающему бизнесмену!

– Да, именно процветающему! – взвизгнула Маринка. – Ты слепая курица! Как можно упустить такого мужика?

– Кудах-тах-тах, – смиренно согласилась Вика. – Интересно, а он-то понял, какое сокровище проворонил?

– Какое сокровище? – не поняла Бульбенко.

– Ну, если до тебя не дошло, то до этого волосатого кактуса и подавно!

– Да что б ты понимала в мужиках! Знаешь, о чем свидетельствует избыток растительности на теле?

– Знаю, это проросшие извилины. Чрезвычайно умный мужик, такой весь в кучеряшках. Барашек! Кстати, ему для полноты ансамбля не хватает твоего колокольчика, ты с ним не догадалась скооперироваться?

– Дался тебе мой колокольчик! – наконец-то обиделась Бульбенко. – Слово-то какое откопала – скооперироваться! Мысли современными реалиями. Кооперировались знаешь когда? Когда варили джинсы в домашних условиях и строили коммунизм. А я предпочитаю жить при капитализме, который, как выяснилось, вовсе не собирается загнивать! И что ты прицепилась к мужику? Что, кроме него? никого нет?

– Я прицепилась? Да я вообще уехала из этого вертепа!

– Ах, скажите, какие мы нежные. А подружку, значит, не побоялась там оставить? Интересно, совесть тебя не мучает? Вдруг бы меня потом в овраге нашли, а?

– Не сомневайся, я бы с удовольствием пошла в милицию и все рассказала! – заверила ее Вика, которой неожиданно стало смешно.

– Чего ты там хрюкаешь? Расстраиваешься по поводу моей безвременной кончины? – смягчилась Маринка.

– Нет, представила Яшу с колокольчиком, – фыркнула Вика и, не выдержав, расхохоталась.

– Просто умереть, как смешно! И вот такие люди меня окружают! Куда мир катится? – делано вздохнула Бульбенко. – Ладно, не все потеряно. Есть дворцы и кошельки покруче Яшиных. Меня пригласили на вечеринку. Вдвоем.

– Поздравляю. Удачной охоты.

– И тебе того же. Вдвоем – это с тобой.

– Я что, должна изображать кавалера? Мы пошли по лесбиянкам? А что, мальчики в округе закончились?

– Нудная ты, Муравьева! – вздохнула Маринка. – Юра разрешил мне взять подругу.

– Ах, разрешил! – разъярилась Вика. – Какой реверанс в нашу сторону! Вот спасибо! Яша планирует сделать второй заход, не переварил свою бледную поганку?

– Заглохни, впечатлительная! – заржала Бульбенко. – Яши там не будет. Можешь расслабиться.

– Уже расслабилась. Меня там тоже не будет.

– Если ты собираешься сидеть в четырех стенах, то не удивляйся, что плесенью покроешься!

– С чего это? – Вика напряженно посмотрелась в зеркало и расстроено отвела глаза.

– Да с того! Быстро ко мне, будем тряпки мерить!

Несмотря на булькавшую в Викиной душе обиду, она к Бульбенко все же поехала. Но примерка не удалась. Ни одна из Маринкиных тряпок ей не подошла.

- Ну надо же, вот это формы. Везет тебе, дуре. Не ценишь ты подарков природы, - искренне завидовала Марина, разглядывая Викин бюст. - Два таких сюрприза! Любой мужик на месте сдохнет!

- Ну сдохнуть, может, и не сдохнет, а вот если на голову ему это уронить, то сотрясение мозга обеспечено, - гордо констатировала Вика. - Кстати, у меня внизу еще две таких же и даже больше, так что все подарки уравниваются дефектами.

- Где? - вздрогнула Маринка. - С ума сошла? Вторым этажом, что ли?

- Подвалом, - смущенно хихикнула Вика и повернулась задом. - Вон, любуйся. И можешь свои юбки запихнуть обратно в шкаф, они тут не приживутся.

- А, ты про это, - облегченно выдохнула Бульбенко. - Шутки у тебя глупые, аж оторопь берет. Ты с мужиками шути осторожно, у них с юмором обычно напряг, они только свою рыбно-пивную тематику секут. Как брякнешь где, что у тебя сиськи в два этажа, так жди с утра очереди под окном.

Маринка походила вокруг смутившейся Вики, словно вокруг ценного музейного экспоната, и резюмировала:

- Тебя надо на пляжную вечеринку вести, там ты всех переплунешь. Только купальник надо посмелее. Короче, вилай своей прекрасной душой и внутренним богатством, пусть ценят то, что в глубине, а потом мы придумаем, как прихорошить поверхность.

Всю неделю Вика только тем и занималась, что придумывала, чем прикрыть свои недостатки и подчеркнуть достоинства. Наконец настала заветная суббота, а она так ничего и не придумала.

– Вечеринка для богатых, так что я, хоть лопни, до них не дотянусь. И даже пробовать не буду. Носят же лысые мужики свою плешь, как орден, а я даже не лысая.

Но этот вывод практически не утешал, а лишь расстраивал. Представляя себе надушенную публику в открытых вечерних платьях, она только скрежетала зубами и подавляла рыдания, подкатывавшие к горлу.

Как всегда, спасла ее мама.

– Зая, у тебя такой роскошный верх, что ни один мужик не посмотрит на тряпку. Надень джинсы и маечку. Во всяком случае, ты не будешь выглядеть как лягушонок в панировке. Попытаешься выделиться, все равно не получится, так что плюнь на одежду и оденься простенько. Только не блести глазами и не говори окружающим «мне плевать, что на мне», сама поверь, что тебе действительно на это плевать. Иди-ка сюда.

Мама подтянула ее к зеркальной дверце.

– Встань в профиль. Видала? То-то. Мужчины падки на детали: сначала он должен зацепиться за что-то выступающее, а потом уже ковыряться в твоём духовном богатстве. Как правило, им бывает достаточно одного аксессуара, а он у тебя есть. И, поверь мне, ого какой.

Под это напутствие Вика и вышла из дома, неся свой «аксессуар», как хрустальную вазу. Поднимавшийся ей навстречу потный дядька, живший где-то на верхних этажах, покорно замер, прижавшись к стене и с восхищением проводил глазами уносимое сокровище.

– Здравствуйте, – запоздало и просительно крикнул он ей вслед, немного придя в себя.

– Здравствуйте, – величественно согласилась Вика, распираемая оптимизмом. Этот круглопузый мужичок был добрым знаком. Вечер начинался на мажорной ноте. Юрин джип стоял у подъезда, рядом нетерпеливо стучала каблучками Маринка.

– Вау! – констатировала она. – Только лифчик ты зря нацепила. Лишнее это. Правда, Юра?

Юра высунул голову в приоткрытое окно, внимательно оценил Вику и задумчиво сказал:

– Все нормально. В женщине должна быть тайна. И эту тайну надо иногда прикрывать. Обидно, когда клад на поверхности. Азарт в том, чтобы хоть чуть-чуть помучиться в неизвестности... Ход мыслей понятен?

– Боже, сплошные интеллектуалы вокруг. Мог бы и попроще объяснить. Викуля, перевожу: кайф в том, чтобы было что снимать. В голой бабе тайны нет.

– Спасибо, до меня и без перевода дошло, – кивнула Вика, вдруг подумав, что ей Юра подошел бы больше, чем недалекой и легкомысленной Маринке.

Вечеринка проводилась на чьей-то роскошной даче. Вика в первые же пять минут потеряла из виду Маринку и осталась одна среди невероятного скопища незнакомых людей. Народ хаотично перемещался по периметру, выпивая, закусывая и устраивая личную жизнь. Где-то гремела музыка, но никаких танцев не наблюдалось. Вернее, кто-то, нимало не смущаясь, пританцовывал прямо у столов или на дорожках, но это были сбившиеся кучки явно близко знакомых между собой людей. Вика ощущала себя грибом в корзине ягод. Она в своих дешевых джинсах и рыночной маечке, оголявшей пухлые плечи, была инородным телом в гуще этих лощеных и холеных людей, даже не замечавших ее, словно она была не девушкой, а молекулой кислорода или частью пейзажа.

Единственным, что скрашивало горечь одиночества, были экзотические закуски. Побродив по территории и не найдя ни воды, ни соков, Вика махнула рукой на опасность и начала запивать все вином и шампанским. Она даже попробовала коньяк, но он оказался отвратительным на вкус и вонял чем-то знакомым и неприятным.

Она уже была основательно пьяна, когда в поле ее зрения возникла Маринка:

– Ну куда ты пропала? Мы с Митей уже даже кусты облазили, а ты тут торчишь.

– С Митей? – попыталась слабо удивиться разомлевшая Вика. Жизнь, обильно политая шампанским и сдобренная воздушными пирожными, перестала казаться горькой и беспросветной. – Его же днем как-то по-другому звали.

Она попыталась навести резкость на возвышавшегося над Маринкой кавалера, но фокус никак не совмещался с физиономией неизвестного героя, поэтому Вика переключилась на другую тему:

– Почему вы искали меня в кустах, а не начали с более приличных мест?

– Например? Со спальни хозяина? – буркнула Маринка, пытаясь поднять размякшую Вику с резной лавочки, на которой та пиновала.

– У нас с тобой разные представления о приличных местах, – устало вздохнула Вика, с удивлением констатировав, что уже в который раз промахивается мимо тарелки с тарталетками. – Надо же, как мелко настругали, не зацепить.

– Пить меньше надо, – рассердилась Марина. – Ты жрать сюда приехала или что?

– «Или что» у меня не получилось. Все «или что» оказались разобраны, поэтому пришлось жрать. Вот.

Она вдруг зевнула и начала заваливаться набок.

– Дима, Дима, лови ее, – всполошилась Маринка. – Э, маманя, ты что это?

– Отвалите. – Вике было совершенно все равно, что про нее подумают. Спать хотелось дико, глаза слипались, а земля раскачивалась, норовя вообще обломиться, как кусок старой штукатурки, и улететь куда-то вниз.

– Я ее не понесу, – сурово произнес недовольный баритон. – Почему бы тебе не подружиться с какой-нибудь дюймовочкой, которую можно без проблем перетаскивать с места на место, когда она напьется?

– А почему бы тебе не заткнуться? – раздраженно протянула Бульбенко, разглядывая сладко жмурившуюся Вику.

– Я говорю дельные вещи.

– Да, очень дельные. Подруги не мебель, чтобы их перетаскивать. К тому же я не очень понимаю, почему это тебе вдруг захотелось их носить?

– Мне? Замечательно! Ты забыла, с чего мы начали? Я не хочу никуда волочь эту девицу. Она слишком... слишком...

Вика бдительно приоткрыла глаза, очертив на лбу грозную складку.

– ...слишком крупная. К тому же она проснулась, пусть идет сама. Я не грузчик.

– А я не пианино, – промычала Вика.

– Да уж. Ты, Муравьева, рояль! – Маринка подлезла ей под мышку и попыталась поднять. – Давай, шевели ногами, горе мое. Я с тобой грыжу наживу! Дима, что ты уставился? Подопри ее с другой стороны!

– Чем? – индифферентно поинтересовался кавалер, явно тянувший время и не желавший возиться с внезапно развеселившейся незнакомой девицей.

– О, – простонала Маринка, – я от вас с ума сойду! Собой подопри, неужели не понятно?

– Я что – горбыль какой-нибудь? Я себя несколько иначе позиционирую, – доверительно поведал неизвестно кому недовольный Дима.

– Митя, ты всегда такой, или ты сейчас нарочно меня злишь? – прошипела Бульбенко, пытаясь через могучую Викину грудь испепелить напарника взглядом. – И почему она скособочилась в мою сторону? Мне тяжело!

– Не знаю, – подумав, флегматично заметил парень. – Может, она просто косая.

Каждая их реплика вызывала у Вики новый прилив хохота, и она норовила поджать ноги, видимо, чтобы упасть и посмеяться, катаясь по модно постриженному газону.

- Твоя подруга меня утомила, - пожаловался Дима. - Она трясет своей майкой прямо у меня перед носом. Я переживаю.
- Если ты переживаешь за нее, то зря. И трясет она не майкой. Я тебе потом покажу, что это, милый, - судя по тону, Маринка вспомнила, что познакомилась с парнем не просто так, и начала наводить мосты.
- Мы что, будем ее раздевать? - в голосе Мити послышалась некоторая заинтригованность.
- Нет, - рявкнула Маринка и добавила, смягчившись: - Будем, но не ее.
- Меня? - теперь его голос наполнился беспокойным волнением.
- Дима, я тебя не для того поила, чтобы ты мне сейчас нервы мотал. Дошел до кондиции и хватит.
- А зачем ты его поила? - вдруг заинтересовалась Вика, прокричав свой вопрос прямо в ухо Марине, отчего та едва не выронила подгулявшую подружку.
- Знаешь, есть такая поговорка: что у трезвого на уме, то у пьяного на языке! Хочу знать, с кем имею дело!
- И как?
- Все чисто!
- Плохо, - погрустнула Вика.
- Почему? - теперь уже заинтересовался Дима, который не так уж и много выпил, но ясность его мыслей все же была затуманена элитным алкоголем.
- Потому что на уме мужчины должно что-то быть. Извилины там всякие. Совсем чисто только у имбецилов, и то я не уверена, надо посмотреть в энциклопедии. - Вика задумчиво засопела.

– Митенька, – неожиданно елеиным голоском поинтересовалась Маринка. – А у нас есть деньги на такси?

– У вас? Не знаю. А что?

– У меня нет, – тут же вклинилась в беседу отчего-то погрустневшая Вика. Она сразу почувствовала, что отсутствие денег на такси сопряжено с какими-то проблемами, но никак не могла сориентироваться, с какими именно.

– А как же мы поедem домой? – терпеливо гнула свою линию Бульбенко.

– На машине, – Дима удивленно пожал плечами и развел руками, планируя подкрепить свою мысль какими-то жестами, но непредусмотрительно отпущенная им Вика немедленно повисла на Марине, отчего обе девицы с глухим стоном шмякнулись в траву.

– А ты тоже пьяная, – радостно констатировал Митя.

Злая и красная Маринка выкарабкалась из-под Вики.

– Ну вот, я платье травой замазала, – она чуть не плакала, разглядывая темную полосу на бедре.

– Я тебе новое куплю, – Дима тоже потрогал грязную полосу и добавил: – Два куплю или три.

Вика в полной протрации пялилась на звездное небо, отчего-то раскачивавшееся по широкой амплитуде. Рядом слышалась возня и звуки поцелуев.

– Мне холодно, – зачем-то сообщила она в темноту, хотя холодно ей не было. Было сыро.

– Дима, я домой хочу, – капризно хныкнула Маринка.

– Сейчас поедem, только машину найду, – совершенно трезвым голосом ответил парень и уплыл в темноту.

- Маринка-а, - позвала Вика.

- М-м.

- А что ты делаешь? - Вике хотелось поболтать о жизни, о судьбе, о вечных ценностях...

- Пудрюсь.

- Плюнь. В темноте промахнешься.

- Промахнусь, если в тебя плюну, а пуховкой мимо лица трудно промахнуться, - хмыкнула Марина.

- Слушай, а как мы поедem, если он пьяный?

- Не такой уж он и пьяный.

- Нет, пьяный, - уперлась Вика. - Знаешь, сколько аварий происходит по вине пьяных водителей? Я не поеду.

- Вот и хорошо, - обрадовалась Маринка. - Счастливо оставаться. Надеюсь, к утру ты тут пустишь корни и зацветешь.

- Злая ты. - Вике стало обидно и захотелось плакать.

- Вон она, давай, беремcя с двух сторон и понесли, - нарушил идиллию Димин голос.

Из темноты выплыли две фигуры: одна высокая и поджарая, а другая - низенькая и крепкая.

- Это кто? - опасливо поинтересовалась Маринка.

- Наш водитель.

– Би-бип! – радостно возвестила Вика, уносимая в крепких мужских руках. – То ни одного, то сразу двое! Отпад!

– Причем один за руки, другой за ноги, – ехидно пробормотала Бульбенко, спотыкаясь тонкими каблучками на вымощенной дорожке.

На следующий день у Вики ужасно болела голова. Это было единственным значительным последствием минувшего вечера.

– На тебе венец безбрачия, – со знанием дела сказала мама, отпаивавшая постанывавшую дочь крепким чаем, – поэтому они тебя и не видят. Надо пойти снять!

– Мам, я сейчас не могу полемизировать на эту тему, у меня сил нет и язык невкусный, – жалобно ответила Вика, привалившись виском к холодильнику, рядом с которым сидела.

– Язык невкусный, – всплеснула руками мама. – Так ты его не жуй, пьянчужка ты моя!

– Он большой и плохо шевелится, – пожаловалась Вика.

– А ты не шевели, умнее будешь выглядеть. Я сама все сделаю, без тебя. От тебя только согласие надо.

– Если без меня, то я на все согласна, – обреченно кивнула Вика.

– Так говорить нельзя, слово, как и мысль, материально! – немедленно взвилась мама.

– Хорошо, не буду.

– Да ну тебя! Сиди сегодня дома, не ходи никуда. На тебе лица нет.

– Да уж. Никуда не пойду. И хотела бы – не пошла. У меня ноги ломит, и руки, и вообще, может, меня вчера били, а я не помню?

– Иди ляг! Еще сопьешься! Запомни, одиночество – это не самое страшное. Хотя, конечно, удовольствия мало.

И мама грустно задумалась о чем-то своем.

Роман Марины с новым кавалером развивался по обычному сценарию, начавшись непосредственно с кульминационного момента и благополучно перешагнув период романтического приношения друг к другу. Дима был сыном богатых родителей, имел собственную жилплощадь, машину, в общем, был пригож со всех сторон. К материальной состоятельности прилагалась неплохая, правда слегка худоватая фигура, иссиня-черные жесткие волосы и потрясающие голубые глаза в обрамлении телячьих ресниц. Но Бульбенко этого было недостаточно. Любой представитель «золотой молодежи» всегда стоит на перепутье, перспективы его туманны и неопределенны, в отличие от его уже состоявшихся родителей. Избалованный мальчик вполне может как покатиться по наклонной плоскости, так и начать штурмовать финансовые высоты, опираясь на родительские сбережения, а Маринку, несмотря на свежесть лица и юность организма, прежде всего волновала не бурная молодость, а обеспеченная старость.

Но Митенька был перспективным мальчиком, это Маринка поняла быстро. В нем не было того скользкого самодовольства, которое обычно отличало отпрысков из состоятельных семей, хотя некоторая инфантильность, безусловно, присутствовала. Он был добрым, неконфликтным, но иногда невероятно упрямым. Маринка быстро сориентировалась, и, когда видела, что брови кавалера съезжаются в одну жесткую прямую линию, быстренько переставала капризничать и начинала гладить парня по шерстке. Она читала его даже не как книгу, а как букварь в картинках, и благодарила судьбу за такой замечательный подарок.

На вечеринке, куда ее привел Юра, царила атмосфера непринужденного интеллигентного распутства. Контингент был разношерстным в плане возраста, но весьма ровным в том, что касалось материального положения, поэтому

мужская половина гостей среднего и старшего возраста совмещала приятное с полезным, решая деловые вопросы. Юра немедленно уцепился за какую-то мощную тетку, задрапированную в пестрый шелк, отчего она была похожа на стог сена, украшенный цветами. Юра рассыпал комплименты и постоянно с чувством хватал тетку за толстую руку. Маринка сначала надула губки, потом демонстративно отошла в сторону, но Юрий на ее поведение никак не реагировал и не спешил замаливать грехи.

Бульбенко быстро поняла, что если про нее и вспомнят, то очень не скоро, и не исключено, что вспомнить ее могут только для того, чтобы тепло попрощаться и пожелать успехов в личной жизни, поэтому она пристально оглядела массовку и выхватила взглядом высокого bruneta, одиноко бредущего по аллее на звуки музыки.

– Ой, простите, вы не видели здесь мою подругу, а то столько людей, мы потерялись, – кокетливо улыбнулась Маринка, доверительно тронув его за плечо.

– А как она выглядит, эта ваша подруга? – с готовностью поддержал разговор парень.

– Наверняка в вашем вкусе, – бросила пробный шар Маринка. – Такая невысокая, полная, скромненько одетая.

Она в любом случае ничего не теряла: либо парень заинтересуется Викой, что тоже неплохо, – несмотря на свой детский эгоизм, Бульбенко искренне хотела пристроить несамостоятельную Вику, – либо проинформирует хитрую Маринку о своих вкусах в отношении дамского пола.

– Я не любитель толстух, – тут же покорно заглотив наживку кавалер, многообещающе прислонившись к не возражавшей против маневра Маринке. – Кстати, я – Дима.

– Марина, – весело улыбнулась охотница и выстрелила в добычу контрольным взглядом.

Диме действительно больше импонировали стройные барышни, немного стержовные, с умеренным багажом жизненного опыта и капризов. Как только

объем капризов достигал критической массы, девушку либо ставили на место, либо вежливо махали ей ручкой. Обычно такие особы неважно ориентировались в пространстве, поэтому не успевали вовремя затормозить. Иногда девушки сами бросали Диму, но реже. В среднем его романы длились от пары месяцев до полугода и заканчивались спокойно, почти без скандалов и по обоюдному согласию. От дамы требовалось быть ухоженной, хорошо одетой, не нести откровенной ерунды в присутствии его друзей и принадлежать на определенном этапе жизни только ему. Барышня, готовая, как блоха, в любой момент перепрыгнуть на более жирного пса, была ему не нужна, хотя Дима прекрасно понимал, что подобная внутренняя установка есть у каждой. Но кто-то умеет удерживаться в рамках приличий, а кто-то пытается откусить кусок пожирнее, неинтеллигентно надгрызая все блюда, выставленные судьбой на стол. Задумываться о старости в окружении внуков ему было рановато, поэтому каждую новую подругу Дима рассматривал как новый автомобиль: тщательно проверяя комплектацию, бдительно тестируя на возможные дефекты, но при этом зная, что каким бы замечательным ни было авто, в скором времени его придется менять.

Марина была красивым цветком, соответствовавшим необходимым требованиям, и он с удовольствием занялся ее окучиванием.

Вика была предоставлена самой себе, поскольку Бульбенко в очередной раз вошла в штопор, борясь за свое светлое будущее, и заниматься аморфной подругой ей было некогда. Они изредка перезванивались. Вика покорно выслушивала неинтересную болтовню про подарки, которые описывались в деталях, про новые веяния моды, про сногшибательные качества кавалера, которого она помнила весьма смутно и перед которым испытывала некоторое неудобство за свое несимпатичное поведение, и про то, что раз ей, Вике, все равно нечем заняться, то надо потратить лето на то, чтобы похудеть.

Похудеть Вика хотела, а вот заниматься этим – нет. Она мечтательно представляла себе времена, когда наука изобретет какой-нибудь моментальный способ избавления от лишнего веса. А пока она каждый вечер говорила себе, как хронический алкоголик, что со следующего утра начинается новая жизнь, в которой не будет кексов, булок и макарон, а будут утренние пробежки, качание пресса и кефирная диета.

В конце июля произошло довольно неприятное событие, ставшее толчком к осуществлению ее фантазий на тему избавления от жировой прослойки.

Она решила съездить в центр и погулять по магазинам. Денег все равно не было, а когда не собираешься покупать что-то конкретное, ограниченное материальными рамками финансового базиса, щекочущего руки и требующего немедленно приплюсовать содержимое кошелька к доходу какого-нибудь бутика, можно расслабиться и щупать вещи спокойно и обстоятельно, не бегая кругами, как собачонка, зарывшая кость среди одинаковых камушков и потерявшая ориентир.

Поездка сорвалась. Сев у окошка в полупустом троллейбусе, она разглядывала стайки молоденьких девиц, гулявших по городу в полуголом виде и способствовавших росту процента сердечных заболеваний среди мужчин трухлявого возраста. Вика развлекалась тем, что сравнивала их с собой, с удовольствием находя в каждой какой-нибудь дефект. От этого ее самооценка приподнималась, как буюк при приливе.

Через несколько остановок в салон вползла совершенно рассыпающаяся бабулька времен Первой мировой войны. Вика тоскливо оглянулась: все места оказались заняты.

– Садитесь, пожалуйста, – вздохнула она, вставая.

Бабка молча плюхнулась на сиденье и начала суетливо копаться в допотопном ридикюле.

– Во, корму отъела, аж одежда лопнула, – вдруг раздался сзади довольный женский голос. Вика оглянулась: комментарий принадлежал усатой полной старухе, старательно молодившейся и, судя по высоте прически, щеголявшей в такую жару в парике. Из-под свалывшихся волос свисали тяжелые серьги, а сама выступавшая была облачена в платье с люрексом, поблескивавшее, как новогодняя елка. Вика с ужасом поняла, что сказанное относилось к ней. Она неловко изогнулась и попыталась разглядеть тыл. Весь салон с интересом наблюдал за происходящим. Вика провела рукой по юбке и едва не упала в обморок: хлипкий материал разошелся по шву ровно посередине. Хуже не придумаешь!

Двое юнцов обрадованно заржали, худая женщина с желчным лицом презрительно скривилась, симпатичный молодцеватый мужик отвернулся, а две толстушки, восседавшие недалеко от места трагедии, испуганно завозились, оглядывая друг друга.

Прикрываясь полиэтиленовым пакетом, Вика почти в слезах добралась до дома и, едва войдя в квартиру, горько разрыдалась.

Вечером пришедшая с работы мама немного приободрила дочь, убедительно заметив:

– Ну и что, что лопнула? Просто мала стала. Заинька, ты не толстая, ты пухленькая, очень многим мужчинам это нравится. Не надо делать из своего плюса трагедию. А юбку можно расставить.

Утром Вика решительно влезла в шорты и, воткнув в уши плеер, побежала в ближайший лесопарк бороться со своими достоинствами.

Бег трусцой оказался весьма рискованным занятием. Не успела она насладиться ароматами цветов и свежей зелени, замечательно сочетавшимися со сборником последних хитов, как «люли-люли» были перебиты оглушительным собачьим лаем, и Вика узрела огромное лохматое чудовище, летевшее за нею со скоростью междугородного экспресса. Сзади семенила хозяйка и что-то кричала, но фабричные девчонки забивали своими звонкими голосами жизненно важные инструкции, сопровождаемые бешеной жестикуляцией, и ополоумевшая от ужаса Вика в два прыжка достигла ближайшего дерева, вскарабкавшись на него с ловкостью ящерицы. Собака скакала внизу, разбрызгивая слюни и размахивая розовым языком. Наушник выпал из правого уха и кротким жучком улегся на подпрыгивавшей от бешеных ударов сердца Викиной груди.

– Я же вам кричала: не бегите! – донеслось до Вики параллельно с уверенными воплями в другом ухе: – Нас не догонят!

– Жаклин, девочка не хочет с тобой играть, пойдем поищем кого-нибудь другого, – присюсюкивала переставшая интересоваться Викой хозяйка косматого людоеда. Звучало это так, словно сладкая парочка собиралась поискать себе кого-нибудь на завтрак. Вика заранее не завидовала этому «другому».

- Эй, а как же я? - жалобно прошептала она.

- Слезайте, она не кусается.

«Ага, - подумала Вика. - Она, наверное, как удав: глотает не жуя».

И девушка опасливо поджала ноги, преданно обняв ствол, по которому ползали деловитые муравьи. В другой ситуации Вика с визгом начала бы отряхиваться, но сейчас насекомые ей даже нравились.

Тетка взяла собаку на поводок и решительно потащила за собой.

- Подождите, - перепугалась Вика. - Мне надо слезть.

Тетка тут же развернулась и с готовностью пошла обратно:

- Вам помочь?

Увидев, что собаку ведут обратно, Вика затрясла головой:

- Нет, спасибо, я сама. Всего вам хорошего.

- До свидания, - вежливо подтвердила тетка, а Вика немедленно подумала, что второго свидания она не переживет.

Когда женщина скрылась из виду, Вика аккуратно сползла по стволу вниз, с удивлением отметив, что он гладкий и никаких выступов, по которым можно было бы забраться так высоко, там нет.

«Твои губы опять не туда угодили», - сообщил наушник под приятную музыку.

«Было бы куда прицелиться, - горько подумала она, - а уж я не промахнусь».

Внимательно оглядев аллею и не обнаружив собак, она предприняла вторую попытку пробежаться. Тут же выяснилось, что грудь очень мешает процессу.

Она противно подпрыгивала, а потом падала вниз. Вика решила придерживать ее руками. Через несколько минут к ней присоединился еще один спортсмен.

- Ведете здоровый образ жизни? – жизнерадостно пыхтя, поинтересовался он.

- Угу, – односложно ответила Вика, мельком оглядев коллегу. Он ей не понравился: во-первых, по возрасту он годился ей в отцы, во-вторых, у него был какой-то рыбий взгляд, а в-третьих, он бежал в рубашке, брюках и ботинках, из чего можно было сделать вывод, что он либо с приветом, либо увязался за нею из корыстных побуждений. Побуждения не замедлили из него вылезти:

- А грудь не похудеет? – озабоченно поинтересовался он, кивнув на бюст, летавший по мучительной амплитуде.

Вика злобно промолчала и прибавила темп.

- Мы, мужчины, кстати, любим полных. Это распространенный блеф, что мы любим стройных. Его активно поддерживают среди народонаселения худые женщины, которым не удалось нарастить мышечную массу. А что такое женщина без пышных форм? Это все равно что суп без мяса: он постный и неароматный. Столовский вариант для язвенников. В блюде должен быть соблюден баланс белков, жиров и углеводов. Женщин в теле ценили во все времена и везде. И интеллигенты, и все прочие! Что есть женщина без филейной части? Чем она будет вдохновлять поэта и художника? О чем им обоим мечтать? Почему вы молчите? Вы не согласны?

Вика уже поняла, что убежать от демагога ей не удастся. Он легко приспособился к ее темпу, поэтому ее задачей было добежать до людного места. Она, холодея, вспомнила, что вчера вполуха слышала, как по телевизору рассказывали про очередного маньяка, которого ловили все, и, как обычно, никто не мог поймать. Подробности она слушать не захотела и вот теперь ругала себя, не имея возможности распознать степень грозящей ей опасности.

- Девушка, я, кажется, с вами разговариваю, – обиделся мужик. – Вы хоть понимаете, насколько важно сберечь генофонд, сохранить нормальную русскую бабу во всей ее красе, а не культивировать стиль «унисекс»!

Вика его почти не слушала, из последних сил перебирая каменно-неподъемными ногами, но слово «секс» уловила, после чего у нее открылось второе дыхание.

Когда они наконец добрались до проспекта, лектор неожиданно завершил выступление и, не сбавляя скорости, понесся за подъезжавшим к остановке автобусом.

Вика обессиленно плюхнулась на ближайшую скамейку и начала нервно смеяться. Есть чипсы дома перед телевизором оказалось куда более полезно для нервной системы, чем растрясать жир в лесопарке.

– Деточка, – задрезбезжал над ухом старческий дискант. – Что же ты, лапушка! Попкой, и прямо...

Договорить дед не успел. Вика, чувствуя себя в безопасности ввиду большого количества куда-то спешивших или просто прогуливающих прохожих, взвилась и ядовито зашипела прямо в физиономию обалдевшего от неожиданности ветерана:

– А тебе, мухомор старый, что надо? Тебе мое филе на борщ или на последние радости? А?! Может, у вас тут гнездо?!

Старик испуганно отшатнулся и посеменил прочь, трясая авоськой. Вика оглянулась, чтобы посмотреть, не осталось ли что-нибудь на скамейке, и уперлась взглядом в большой лист с надписью «окрашено!».

Она густо покраснела и понеслась за дедом извиняться. Бедный старик, с удивлением оглядывавшийся по мере удаления от ненормальной девицы, заметив ее марш-бросок, довольно резво поскакал от нее по проспекту, ловко огибая встречных пешеходов.

«Удачный день», – удрученно констатировала Вика и поплелась домой.

Ближе к вечеру про нее вспомнила Маринка:

– Викусик, ну как? Киснешь?

– Тухну.

– Я что случилось? Облом на любовном фронте?

– Какой облом? Фронт еще не развернут, – грустно сообщила Вика, с удивлением глядя в телевизор, где какой-то хитромордый зверек с пачкой порошка в лапах заглянул Золушке под юбку и сообщил всем интересующимся, что у нее там чисто.

– Слышь, Золушка, – неожиданно в тему парировала Маринка, – твой принц еще не приехал, но он уже близко.

– Знаешь, Марина, принцы бывают разные, – не разделила оптимизма подруги Вика, почему-то подумав, что при ее везении вместо принца ей обязательно попадется такой вот гибрид с пачкой порошка.

– Не суть. Главное, что они иногда попадаются, а ты пасешься на колхозном дворе, куда они даже не заглядывают.

– Я так понимаю, что ты меня в очередной раз хочешь вывести в поля, – пронцательно констатировала Вика. – Тебе не надоело?

– Ты, Муравьева, останешься куковать в девках с таким подходом к жизни. Счастье надо строить своими руками, а не ждать выигрыша в лотерею. Я не спорю, люди выигрывают, но иногда они до старости выигрывают по мелочи, так и не оторвав у судьбы крупный куш! Ты так хочешь?

– Я не хочу позориться, – выпалила Вика. – Мне надоело быть посмешищем!

– Ой-ой-ой! Откуда у нас эти комплексы! Не хочешь – не будь! Если ты сама перестанешь потешаться над собой, то, будь уверена, и другие перестанут. Тем более что все эти проблемы надуманны! Давай одевайся, мы через полчаса за тобой заедем!

– Что опять?

- Едем в клуб. Кавалер для тебя уже упакован и перевязан ленточкой.

Вика почему-то представила руку в гипсе и заволновалась:

- Что еще за кавалер?

- Все в порядке. Без сюрпризов. Ему нравятся блондинки с большой грудью.

Вика расхохоталась:

- Это ты ему меня так описала? И еще у тебя язык поворачивается говорить, что без сюрпризов! Вот парню сюрприз-то будет!

- А что, разве ты не блондинка или у тебя сиськи сдулись?

- Знаешь, Бульбенко, если я скажу, что у кого-то большие глаза, длинные ноги и рыжий хвост, ты про кого в первую очередь подумаешь?

- Про себя, - самодовольно хмыкнула Марина.

- Вот именно, а я имела в виду лошадь. Так что все относительно.

- Сама ты лошадь! Ты что, в клуб не хочешь?

- Хочу!

- Вот и не выпендривайся. Не понравится тебе мужик, подцепишь другого!

Вика вздохнула: у Маринки все было просто.

- Марин, а если я ему не понравлюсь?

- Если ты заранее так настроишься, то можешь даже не сомневаться в провале операции, - подтвердила ее опасения подруга. - Ты идешь не себя предлагать, а на него посмотреть: понравится - берешь, не понравится - значит, ему не повезло.

- Хорошо бы и ему кто-нибудь вдолбил это в голову, - пробормотала Вика.

- Давай не тяни, - поторопила ее Маринка. - Мы скоро приедем. Да, забыла предупредить: надень юбку.

- Зачем? - испугалась Вика. - Чтобы облегчить доступ к телу?

- Нет, ему нравятся девушки с нехудыми ногами. Товар надо показывать лицом!

- У меня лицо в другом месте! - съехидничала Вика. - И вообще, ты сказала, что это я иду выбирать, а не он! Так вот пусть он товар лицом и показывает!

- Муравьева, ну не до такой же степени! И учти на будущее: у мужиков главное - не лицо!

- А что? - машинально спросила Вика.

- Надеюсь, что хотя бы сегодня ты это выяснишь! - рявкнула Марина и отсоединилась.

Вика вытянула ноги, чтобы разглядеть свой товар. Ножки были крепкими, с круглыми аккуратными коленками, плавно переходящими в широкие икры. Бедра разглядывать не хотелось, поскольку они огорчали своим объемом. Пошевелив пальцами, она решила, что педикюр еще вполне свеж, а вот лишние волоски могут неприятно уколоть нежную душу неведомого кавалера.

Когда Бульбенко позвонила, Вика находилась на середине процесса бритья.

- Где ты? - прочиркала Маринка, пребывавшая, судя по кокетливому тону, в мужской компании.

- В ванной.

- Ты обалдела? - изумилась подруга, забыв добавить в голос жеманства. - Мы уже внизу. С каких щей ты намываться решила?

– О, Ромка, девушка-то серьезно готовится к походу. Может, я вас домой закину, зачем вам в клуб? – хохотнул Дима.

Его друг довольно покраснел и кивнул в сторону возмущавшейся в трубку Марины:

– Вторая-то хоть ничего? Типа твоей?

– Слушай, вот убей – не помню я ее! Помню, что тяжелая, а вот лицо...

– Да ладно, плевать на лицо. Главное, чтобы не очень страшная.

Он задумчиво хмыкнул, почесав коротко стриженную макушку. Парень был невысокого роста, крепкий и с намечающимся брюшком. Его волосы имели какой-то грязно-рыжий оттенок, а вся доступная для обозрения кожа была покрыта веснушками, похожими на старческие пигментные пятна. Серовато-водянистые глаза были маленькими и блеклыми, а нос торчал посреди лица круглой мясистой картошкой. В его лице было что-то бабье, простодушно-хищное. Дополняли картину крохотные оттопыренные уши, аккуратно прилепленные строго перпендикулярно к маленькой голове.

Маринка взлетела по лестнице и налегла на звонок, одновременно молотя в дверь кулачком.

– Ты чего как на пожар, – Вика открыла, блестя мокрыми ногами. От ванной тянулась цепочка влажных следов.

– А ты чего банный день устроила? Я же тебе сказала, что мы сейчас приедем!

– Но ты еще сказала, что он мои ноги будет смотреть, – оправдывалась Вика, торопливо вытираясь.

– Ага, и ты решила их помыть. А не свиданка, так ты бы еще месяц не мылась!

– Не ори, я их брила. Вон, даже порезалась.

Марина хлопнула глазами:

- Даже боюсь спросить, какой у тебя эпилятор! Вероятно, газонокосилка в масштабе один к десяти!

- Не остри, у тебя фигово получается, - обиделась Вика. - Обычная бритва. Ты позвонила, я вздрогнула и поцарапалась.

- Слушай, темнота, ты кремами пользоваться не пробовала? Ты бы еще садовыми ножницами стриглась, деревня!

- Какими кремами? - раздраженно поинтересовалась Вика, осторожно рисуя контуры глаз. - Этими изобретениями из застенков гестапо? Мажешь, приклеиваешь, а потом - хрясь! И у тебя в руках пушистое ковровое покрытие. Или скальп.

- Ну, если ты полоски на башку клеишь, то, конечно, можно и скальп снять.

- Не умничай, - пробормотала Вика, внимательно оглядев себя в зеркало. Сегодня отражение ей нравилось больше, чем обычно. - Ну пошли, что ли. Заценю товар.

- Наконец-то. Как бы он не потерял кондицию, пока нас на солнцепеке ждал.

Девушки, жизнерадостно переругиваясь, сбежали по лестнице.

Парни томились у красивой серебристой иномарки. Вика сразу поняла, что рыжий непрезентабельный юноша отведен ей. А еще она поняла, что влюбилась. Это неожиданное чувство вдруг ударило ее изнутри. У нее перехватило дыхание и больно сжалось сердце, захотелось плакать, смеяться и снова плакать. Она уже знала, что это то самое, что бывает один раз в жизни. И счастье, если чувство взаимно или хотя бы есть шанс на взаимность. Вике не повезло. Она смотрела в голубые глаза высокого темноволосого парня, уже зная, что именно он и есть тот самый Дима, просто потому, что рыжее недоразумение никоим образом не могло заинтересовать разборчивую Маринку. Она всегда ждала от судьбы чего-то страшного, потому что мелкие уколы фортуны были слишком слабыми и привычными. Раз уж судьба ее невзлюбила, то от нее следовало ожидать именно такого сокрушительного удара.

Рыжий подобрался и, совершенно не замечая, что девушка прилипла взглядом к Диме, расправил и без того широкие плечи, принимая более устойчивую позу, словно боялся, что новая подруга будет штурмовать его с разбега.

– Поздравляю, – воодушевленно шепнула ей в ухо Маринка. – Ты ему понравилась!

– Кому? – машинально спросила Вика, ощущая тяжелую пустоту внутри.

– Ромику! А ты думала кому? Соседу?

Вика с трудом оторвалась от созерцания брюнета и уткнулась взглядом в своего кавалера. Первое, что пришло ей в голову, – это гнусное воспоминание о давным-давно виденном импортном фильме про Цахеса Ценнобера. Потом подсознание услужливо подкинуло образ Леприкона. Возможно, она смогла бы воспринять Рому позитивно и легко нашла бы в нем массу плюсов, но на фоне ее нового чувства к чужому жениху бедный Ромик маячил, как муха в чае, раздражая и вынуждая как-то на него реагировать.

– Вау, – медленно и обстоятельно выговорил рыжий, подстраиваясь под молодежный стиль. Он недавно отметил свой тридцатилетний юбилей, слегка приуныл, наслушавшись речей про то, что половина жизни прожита, и с тех пор немного комплексовал, пытаясь удержаться рядом с более молодым поколением. – Виктория, я именно такой вас себе и представлял!

Еще вчера она поплыла бы от радости и непременно поддержала бы эту волнительную тему, а сегодня хотелось только одного: чтобы рыжий немедленно замолчал и остаток вечера не подавал признаков жизни.

– Мариша, перестань таращиться на Ромку, – хмыкнул Дима, – а то я ревную. Давайте все по местам, и полетели.

– Мы с Викторией, пожалуй, сядем сзади. Вы как, не возражаете?

Вопрос был адресован Вике, но отреагировала на него Бульбенко:

– А впереди и не получится, если только вы не собираетесь бежать перед машиной.

Шутка показалась ей удачной, и довольная Маринка залилась счастливым смехом.

Вика уловила только одно: Дима ревнивый. Почему-то она наивно полагала, что мужики не берут первое, что попало под руку, а норовят отбивать добычу друг у друга, поэтому и зарятся исключительно на чужое. Эта замечательная мысль трансформировалась в отчаянное намерение привлечь внимание Дмитрия, заинтересовав его друга. Логика была чисто женской, а оттого непредсказуемо интуитивной.

– Я люблю ездить сзади, – протянула Вика и попробовала красиво сесть. Отсутствие опыта водружения собственного тела в иномарки не замедлило ее подвести, и девушка с треском обрушилась на неожиданно низкое сиденье. Вспомнив недавнюю трагедию в троллейбусе, она замерла, думая, как бы срочно проверить целостность юбки. Шарить руками по тылам было неудобно, а просить посмотреть Рому – слишком экстравагантно.

– Мне сесть тебе на руки, или ты подвинешься, – с грубоватой фамильярностью поинтересовался рыжий, решив, что надо идти на сближение, иначе весь вечер придется пожертвовать на «выканье» и романтику, сильно тормозящую процесс достижения цели.

– А ты как предпочитаешь? – неожиданно для себя пошутила осмелевшая Вика. Почувствовав прилив уверенности от откровенного мужского внимания, она покраснелась, похорошела и перестала кукожиться. Тем более что ей удалось незаметно сесть на собственную руку и убедиться, что юбка цела.

– Хм, – Роман засунул голову в машину, неожиданно оказавшись лицом к лицу с Викой и обдав ее терпким запахом сигарет и какой-то еды вперемешку с мятной жвачкой. – Я тебе обещаю, что позже ты подробно ознакомишься со списком моих предпочтений.

Его блеклые глазки съехали к носу, и он внимательно изучил содержимое декольте.

– И как? – нахально спросила Вика, краем глаза поймав Димин взгляд. Он обернулся, чтобы выяснить причину задержки, и с интересом посмотрел, чем так занят друг.

– Поверхностный осмотр мало что дал, – с наигранным сожалением сообщил Рома. – Здесь еще работать и работать!

– Закрывай двери, работник! – засмеялся Дима, явно вспомнив что-то из общего прошлого. Рома тоже довольно загоготал, а Вика начала напряженно размышлять, что мог значить этот смех и насколько это замечание важно в данный момент с точки зрения перспектив.

Она пока не умела просчитывать все варианты, поэтому слегка переборщила, привлекая Димино внимание. Рома плотно придвинулся к девушке и, видя, что дама не возражает, начал действовать по обычному сценарию, тихо удивляясь про себя, почему Марина просила не форсировать события и не пугать подругу. Девица, похоже, была не из пугливых, и, судя по улыбкам и хихиканью, скромностью явно не отличалась. Смеялась она громко и с подвизгиванием, волнуя ухажера своей доступностью. Вика так увлеклась шумовым оформлением и так радовалась, ловя в зеркале заднего вида быстрые и заинтересованные Димины взгляды, что пропустила момент, когда Рома приступил к более детальному осмотру даров природы, упакованных в тесную маечку.

Она пришла в себя только тогда, когда в проеме кресел увидела, как водитель начал хватать за коленки веселящуюся Маринку. Это ее слегка отрезвило и вернуло в угрюмую действительность.

– Ты что? – изумилась Вика и возмущенно отпихнула поросшую рыжими волосами лапу.

– Ну здрастье вам! – искренне удивился Рома, которого, по неизвестной причине, прервали не в начале процесса, а значительно позже. Вздрогнувший от Викиного окрика Дима тоже испуганно отдернул руку от Маринки.

– Ты куда руки суешь? Я тебе что? – у нее навернулись слезы, но не от обиды на насупившегося Ромку, а от стыда, что она положила глаз на парня своей подруги, что она теперь вынуждена быть свидетелем интимных отношений, имевших место на переднем сиденье, и, в конце концов, от неизбежности

разборок с обнадеженным рыжим.

– У меня просто руки замерзли, – неловко пошутил Рома, переставший соображать, что можно, а что нельзя. Девчонка ему очень нравилась, но она была то ли не в себе, то ли просто заторможенная, и реагировала на все, как жираф. – И потом, ты же меня тоже за ноги щиплешь, а я терплю, хотя мое дворянское воспитание бунтует против подобного общения.

Вика в ужасе отдернула руку, которая, по неизвестной причине, действительно лежала на каменной ляжке рыжего.

– Я... это... я не щипалась, – промямлила она.

– Нет, щипалась, – еле сдерживая смех, насупился Рома. – Но, так и быть, я не в обиде. Теперь мы квиты. Просто я думал, что тебе нравится такой стиль общения. Вы, девушки, такие все разные.

– А что, ты видел много девушек? – Вика совсем упала духом, вдруг поняв, что его повышенное внимание к ней объясняется только одним: желанием пополнить список своих побед. Даже этот рыжий не чувствует к ней ничего особенного. Точно мама сказала, сглазил ее кто-то...

– Ты что, обалдела? – округлила глаза Маринка, обернувшись к ним. – Ромик у нас домашний мальчик, ты у него первая! Так что не ударь в грязь лицом и не опозорь весь женский пол!

Вика в страхе начала отползать от «домашнего мальчика», чувствуя себя жертвенной овцой. Такое чувство, что эти трое уже все за нее решили!

– Слушай, Муравьева, – снова обернулась хихикающая Маринка. – Что-то мне выражение твоего лица не нравится. На всякий случай сообщаю: я пошутила.

– Да, – подтвердил Рома и улыбнулся, как обожравшийся крокодил. – Мариша пошутила. Небольшой опыт у меня все-таки есть. Я пару раз целовался, а один раз даже водил девушку в кафе-мороженое. Хочешь со мной в мороженицу, Виктория?

Слово «мороженица» он произнес так, что у окаменевшей Вики по спине поползли мурашки размером с теннисные мячи.

– Нет, я мороженое не люблю, – пискнула она, забившись в самый угол и старательно подтягивая к себе голые коленки.

– Рома, перестань шутить, а то девушка сейчас на проезжую часть выпадет, – заступился за нее Дима. И от звука его голоса Вика немедленно пришла в себя, тут же начав разбирать его короткую фразу по составляющим, выискивая скрытый смысл.

– Слушай, Муравьева, перестань вести себя как идиотка, – прошипела Маринка, когда они на минуту остались вдвоем уже в холле клуба. – Мне перед мужиками неудобно! Он тебе не нравится? Тогда разворачивайся и дуй домой! По-моему, нормальный мужик. Особенно в сравнении с остальными твоими кавалерами!

– С какими кавалерами? У меня же никого нет! – удивилась Вика.

– Да что ты говоришь?! – картинно захлопала глазами Бульбенко. – Вот с этим «никем» и сравнивай! Иногда и козий пух за норку сходит!

– А я не хочу козий пух, – разулыбалась Вика, наблюдая за приближающимся к ним Димой.

– Чтобы получить норку, надо сначала обвалиться в козьем пуху, – наставительно сообщила Маринка. – И нечего мне так лыбиться, ты Ромику хоть разок улыбнись, а то он приклеится тут к кому-нибудь, ты нажрешься, и нам тебя опять придется волоочь домой. Имей в виду: в этот раз я тебя брошу!

– Не сомневаюсь, – надулась Вика.

– Займись делом, хотя бы потренируйся!

Этот совет не следовало отвергать, поскольку тренироваться на Роме было не страшно: даже если ничего не получится, расстаться с ним будет не жалко. С другой стороны, как отвязаться от него, если все пойдет удачно, Вика не знала, а задумываться об этом было уже некогда.

– Чего изволят дамы? – Рыжеволосая лапа по-хозяйски улеглась на Викину талию. И она снова уловила запах мяты и терпкого табака. Судя по интенсивности амбре, курил он только что. – Пить, петь, плясать?

– Я думаю, чтобы спеть и сплясать, надо сначала выпить, – со знанием дела порадовала кавалеров Маринка.

– Я дешевое вино не пью! – тут же поделилась недавним опытом Вика, строя из себя бывалую светскую львицу.

– Не переживай, здесь дешевого и нет! Клуб дорогой, – горделиво кивнул Рома.

– Викуле много не наливать, – тут же влезла Бульбенко. – Ее носить тяжело.

– Своя ноша не тянет, – обрадовался Рома и еще крепче прижался к изнывавшей от избытка чувств Вике.

– Еще – в своем глазу бревна не видать, и свое не пахнет! – жизнерадостно заржала Маринка, потянув Диму к стойке.

– О чем она? – удивился Рома.

– О тебе, – процедила Вика, пытаясь отделиться от кавалера.

Но Дима уже пропал из виду, и она потеряла интерес к текущему моменту. Пользуясь ее индифферентностью, Рома начал активно накачивать девушку спиртным, обилие которого смазало воспоминания о дальнейшем веселье. Сначала Вика бдительно отслеживала пропорции сока и мартини, но по мере наполнения организма алкоголем бдительность ее притупилась, в результате единственное, что она хорошо помнила, – это то, что было чрезвычайно весело, а Рома оказался вполне милым и приятным собеседником, с которым они умудрились обсудить популярное телешоу, ежедневно записываемое Ромой на видео, видимо, с целью насладиться просмотром в старости. А Вика, наоборот, старательно обходила своим вниманием перипетии этой молодежной передачи, брезгливо переключая каналы, едва наткнувшись на очередную полусемейную разборку. Это не помешало им довольно долго общаться на заданную тему, стараясь не обидеть оппонента своим мнением, в результате чего каждый из них

остался при своем. В такси они сладко заснули, обнявшись на заднем сиденье, и, по неизвестной причине, приехали домой не к кому-нибудь, а именно к Вике.

Постояв некоторое время на проспекте, как две березы на ветру, они медленно двинулись в глубь двора, вдыхая пронизанный летней романтикой теплый ночной воздух. Посреди детской площадки они устали и сели под грибок.

– Хорошо божам живется, – Рому вдруг потянуло на философию. – Спят под звездным небом...

Дальше доводы про то, почему божам хорошо, иссякли, и они замолчали, распираемые пронзительными эмоциями.

– А ты мне сначала не понравился, – доверительно прошептала Вика, старательно выговаривая слова. Но чем больше она старалась, тем менее членораздельные звуки вылетали в прозрачную ночную темноту. – Мне Димка понравился.

– Он всем нравится, – согласился Рома, ничуть не обидевшись. В его голосе была даже плохо объяснимая гордость за такого замечательного друга.

– А ты теперь тоже ничего.

– Не бывает некрасивых мужиков, бывает мало водки, – гоготнул Рома и вдруг с шумом куда-то пропал.

– Ой, – медленно икнула Вика. – Ты что, расстроился?

– Грибок-то – червивый, – пояснил он откуда-то из темноты, кряхтя и постанывая.

Вике вдруг захотелось похулиганить, и она на ощупь отыскала в сумочке пластиковые вампирские клыки, подаренные ей Маринкой. Нацепив их, она начала возбужденно подхихивать, представляя, как будет весело, когда ухажер полезет целоваться. Но Рома не торопился, ползая где-то в темноте.

– Чего ты там застрял? – не выдержала Вика.

– У меня ключ выпал, найти не могу, – жалостливо проныл он и вдруг оглушительно чихнул. – Фонарик нужен.

– Мужик всегда должен иметь при себе фонарик, – мстительно ответила Вика, расстроенная перспективой поиска ключа вместо поцелуев. – Ладно, сиди тут, сейчас схожу домой, принесу фонарь.

Она с трудом оторвалась от грибка и бодро пошагала к арке, влекомая вперед силой тяжести и непонятно откуда взявшимся в голове противовесом, который норовил уронить весь организм. Падать на асфальт с голыми коленками не хотелось, тем более что Рома любил красивые ноги.

Воспоминание о Роминых пристрастиях очень ее развеселило, и через арку Вика шла, жизнерадостно похохатывая и периодически ударяясь плечом то об одну, то о другую стену.

– Ночной дозор, всем выйти из сумрака, – дорогу ей заступили два великовозрастных оболтуса в одинаковых черных майках с большими белыми черепами на тощих животах.

Это было последней каплей, и Вика начала хохотать в голос, всхлипывая, заливаясь слезами и широко разевая рот, продемонстрировав «дозорным» так кстати прицепленные клыки, на концах для пущего эффекта приукрашенные производителем алыми каплями пластиковой крови. Ее хохот спятившей летучей мышью метался под сводами арки, смешиваясь с дробным стуком подошв улепетывавших пацанов, один из которых бежал молча и сосредоточенно, а другой тихо повизгивал от ужаса, ощущая позорно-теплую влагу в штанах. Привлеченный шумом Роман поднялся из-за скамейки именно в тот момент, когда мальчишки поравнялись с ним. Заинтересованный этим ночным марафоном и обрадованный тем, что ключи все-таки нашлись, он доброжелательно окликнул бегунов, чтобы узнать, почему его девушка так страшно веселится, словно гиена, пугая затихшую фауну двора.

Его тихое «эй!» имело фантастические последствия. Теперь парни выли в два голоса, унося ноги.

Он покачал головой и пошел портить настроение Вике, пока разбуженные жители не вызвали милицию.

По лестнице они поднимались долго и весело. Так же весело искали тапки в темной прихожей. Так же легко и весело начали целоваться. Сквозь пьяные разводы дымящегося сознания Вику колело навязчивое беспокойство: а надо ли и зачем ей это надо? И как это будет? И как будет завтра?..

Она долго и нервно намывалась в ванной, боясь выключить воду, подсознательно стараясь оттянуть момент возвращения в комнату, где на разобранном диване остался лежать блаженно улыбающийся Роман. Кроме всех переживаний, Вику беспокоило еще и невозможно надоевшее хихиканье, выплескивавшееся из нее по любому поводу, будь то выскочивший из рук кусок мыла или ее собственное падение на пол при попытке ловко выскочить из ванны. Последнее событие развеселило ее так, что она только с четвертого раза попала в рукава халата. Даже мысль о грядущей ночи не смогла прервать эти жизнерадостные судороги.

Рома спал. Он дрых, аккуратно вытянувшись у стены и мечтательно приоткрыв рот, из которого с тихим свистом доносилось почти младенчески-спокойное дыхание. Вика с удивлением поняла, что ни радости, ни облегчения при виде спящего кавалера она не почувствовала. Более того, ей стало так обидно, что она захотела немедленно пнуть обнаглевшего мужика, обнадежившего ее своим нахрапистым поведением, а теперь уползшего в кусты отсыпаться.

«Нет, я не понимаю, как так можно? Рядом с ним практически голая девушка, а он свистит и причмокивает! Тоже мне, Буратино! Бревно неотесанное! Вот паразит!»

Она вздохнула, скинула халат и осторожно легла рядом. Рома посапывал в той же тональности. Полежав пару минут, Вика начала ворочаться, бдительно отслеживая изменения в его дыхании: с одной стороны, ей не хотелось, чтобы он проснулся и подумал, что она тут изнывает от своей неоприходованности, а с другой – нельзя же вот так, просто лечь рядом с мужиком, в кои-то веки раз затащенным в постель, и заснуть. А как она должна будет вести себя утром? Делать вид, что это нормально? Или утешать его, что ничего страшного и она не обиделась? Так как же не обиделась, когда не просто обиделась, а обозлилась до крайности. Вот лежит она тут, вся такая молодая, свежая и голая, причесанная и с несмытым макияжем, а он во сне то ли других баб ловит, то ли вообще пиво пьет. Она вдруг представила, как рыжий во сне пьет пиво, и ее разобрал смех. Смешного в этом абсолютно ничего не было, но эта картина чем-

то невероятно развлекла Вику. В далеком-далеком детстве в игрушечных магазинах продавались «мешки со смехом». Внутри находился механизм, включавшийся от любого толчка и воспроизводивший громкое хихиканье. Так вот у нее сейчас было такое ощущение, что в ночном клубе вместе с неумеренными количествами мартини она заглотила именно такого «хохотунчика», который теперь бродил по организму и жутко ржал, натываясь на внутренние органы.

Рома заворочался, пробормотал что-то неразборчивое и повернулся к подрагивавшей Вике спиной, выставив на обозрение трусы. Вике стало интересно: если Рома улегся голым, то вполне возможно, что что-то он все-таки планировал. Это несколько сгладило бы назревающий конфликт. Мучительные размышления – смывать или не смывать косметику, поскольку не было гарантии, что Рома не пробудится от спячки и не доведет задуманное до конца, плавно перешли в глубокий сон.

Всю ночь ей снилось, что за ней гоняется огромный строительный «КамАЗ», с плохо различимым водителем, прятаясь за стеклом грязно-оранжевой кабины. К утру он ее все-таки догнал и с удовольствием проехался по голове. Вика проснулась от собственного вопля. Она подскочила и тут же рухнула на диван. Голова превратилась в металлическую тарелку, по которой только что от всей души треснул ударник-авангардист: в ушах звенело и пощелкивало. Но даже ощупать себя Вика была не в состоянии, каждое движение начиналось и заканчивалось взрывом в ушах. Перед глазами мелькали искры, а попытки сосредоточиться на определении собственного «я» и своей позиции в мировой системе координат вызвали резкую головную боль.

– Слушай, у тебя пиво есть?

Голос был неожиданно мужским и жалостливым. Воспоминания вдруг начали аккуратно накручиваться на ссохшееся за ночь сознание.

– Рома, рыжий, заснул, паразит... – всплыло в мозгу параллельно с образом соленого огурца, влажного от рассола, покрытого пупырышками и исходящего острым ароматом. Образ овоща был намного ярче и сочнее смытой из памяти Роминой физиономии. Судя по тону, отсутствие пива должно было расстроить его намного больше, чем смазанный о подушку макияж, превративший Викино лицо в некачественную тряпку, постиранную в горячей воде: все краски чудовищным образом перемешались, и она стала похожа на больного колобка за

залитым дождем стеклом.

– Вика! Пиво?

«Надо же, – со слабым самодовольством подумала она. – Имя помнит...»

Она разлепила губы и ответила сакраментальной фразой из советских времен:

– Пива нет!

– Чего, чего ты там шепчешь? Я не слышу. Только открой сама, мне плохо.

– Можно подумать, мне хорошо, – проворчала она, пытаюсь сесть. Голова кружилась, и ощущение было такое, словно ночью ей во лбу пробили дырку и основное содержимое забрали для опытов. Зубы мешали и казались какими-то огромными и горькими на вкус.

– Хороша! Челюсть не забудь! – вяло хихикнул Рома. – Вот так люди и ошибаются с диагнозами. Сейчас я мог бы подумать, что у меня белая горячка.

– У меня зубы свои, так что сам свои челюсти не забудь, пень старый! И башку проветри, а то у тебя шутки тухлые!

– Угу. В зеркало глянь, Белоснежка.

Вика обиделась:

– Я там себя каждое утро вижу, так что ничего нового там не будет!

– Да, вот почему у тебя такой характер противный, – понимающе прогундел Рома. – Каждый день начинать с такого зрелища – никакого оптимизма не напасешься! Клыкиними, любовь моя шепелявая!

Вика машинально дотронулась до распухших губ и тут же вспомнила вчерашних дозорных:

– Я же могла ими ночью подавиться! – Она с отвращением вытащила маскарадный пластик и бросила на полку. – Как это я забыла?

– А не надо было пить! – просипел Рома.

– А не надо было поить! – парировала она, довольная своей находчивостью.

– Пиво есть? – занудничал он, слабо постанывая.

– Ты что – алкоголик? Начинать день с пива – это... это...

– Это производственная необходимость, – помог ей Роман. – У тебя дома кто-нибудь есть?

– А что? – Вика вдруг представила, как они пошлют за пивом маму, если она вдруг случайно окажется дома. Ей снова стало смешно, но смех был горьким и болезненно отдавался по всему телу. – Какой сегодня день?

– Плохой. Просто ужасный сегодня день. Безвозвратно вырванный из жизни, – простонал он.

– День недели какой?

– Зачем тебе? – с отчаянием и тоской спросил Рома, старательно отгоняя видение холодной пивной бутылки, по которой скатываются холодные капли влаги, а из горлышка лезет нежная пена...

– Тогда я тебе скажу, есть ли кто-нибудь дома.

– А-а-а... А какой был вчера?

– Свободен, – махнула рукой Вика и прислушалась. Ромин скулеж мешал определить, дома ли мама. Вика знала, что мама ругаться не будет и наличие в квартире рыжего парня ее не сильно впечатлит: после недавней истории с маминной близкой подругой, дочь которой повергла в шок родственников и знакомых сообщением о своей нетрадиционной ориентации, мама начала переживать, что рядом с Викой вместо кавалера постоянно отирается

Бульбенко. Но все-таки ей было неудобно, что маму придется знакомить не с интеллигентным мальчиком за чашкой чаю, а с похмельно-опухшим Ромой, требовавшим пива.

– Мне фейс не начистят? – вдруг заволновался кавалер, в котором медленно начинали просыпаться рефлексy, и первым пробудилось чувство самосохранения.

– А есть за что? – ядовито поинтересовалась Вика, с отвращением прислушавшись к собственному голосу. В нем была обида, разочарование и подчеркнутые жирной красной чертой комплексы.

– Кхе, если надо, то будет, – примирительно зашептал Рома, слегка покраснев. – Я вчера тебя чего-то не дождался, сморило меня, не дуйся!

– Не дуйся?! – Она треснула его подушкой, наплевав на лому в теле и какофонию в голове. – Да кому надо дуться? На что? Да я только рада, что так получилось!

В ее голосе зазвенели слезы.

– Щас, погоди, я покурю и все сделаем в лучшем виде. И попью... слушай, выясни в конце концов, есть кто дома или можно гулять по коридору?

Вика нехотя встала, с удивлением ощущая податливую мягкость собственного позвоночника, не желавшего держать равновесие и ставшего за ночь каким-то хрящеватым и ненадежным. У дверей она обернулась и зачем-то погрозила понурому Роме кулаком:

– Даже не думай. Продолжения не будет.

– Зря я тебе про зубы напомнил, – с сожалением качнул угловатой головой Рома. – Сейчас бы повеселила домочадцев.

Мама оказалась дома. Она лежала на диване и смотрела какое-то кино, приглушив звук.

- Привет, - Вика смущенно махнула рукой и только тут поняла, что забыла надеть халат.

- Как самочувствие? - заинтересовалась мама, выключая телевизор.

- Страшное дело! - честно ответила Вика.

- А мальчик?

- Тоже помирает.

- Иди умойся, я вам кофейку сделаю.

- Он пива хочет, - робко сказала Вика.

- А ты?

- А я пиво не пью, ты же знаешь.

- Ну и все, вопрос закрыт. Или ты хочешь начать отношения с того, что будешь по утрам бегать для него за пивом? Кстати, я не против мужчин вообще, но я против пьющих в отдельно взятой квартире. Если ты помнишь, с твоим отцом я разошлась именно поэтому. И не думай, что ты сможешь его изменить. Это заблуждение.

- Если честно, я вообще не хочу начинать с ним отношения, - задумчиво прошептала Вика и прижалась головой к холодной стене.

- А что? - рассмеялась мама. - Совместная ночевка уже не считается началом отношений? Как вы сейчас говорите: постель - не повод для знакомства?

- Эх, мамуля, - словно многомудрая старуха улыбнулась Вика, - ты еще многого не знаешь.

Мамин жизнерадостный смех едва не заглушал льющуюся в ванной воду. Вика старательно смывала остатки косметики и размышляла, что такого смешного

она сказала.

Рома разглядывал потолок и удивлялся сам себе: пытаюсь напоить девчонку для налаживания контакта, напиться самому, да еще и не воспользоваться создавшейся ситуацией! Кому сказать, что он всю ночь проспал рядом с голой красоткой, не разобравшись в ее положительных качествах, – не поверят!

Он почувствовал себя спортсменом-неудачником на финишной прямой, когда цель близка, а ноги подогнулись, и более молодые и выносливые бегут вперед, поднимая пыль фирменными бутсами. Впервые в жизни он вдруг в полной мере понял всю многогранность значения слова «облом». Когда все сложилось, но не срослось.

Рома вскочил и начал с трусливой торопливостью одеваться. Собственное тело не казалось таким уж замечательным, живот нахально выступал над брючным ремнем. То ли Викины комплексы оказались заразными, то ли вчерашнее спиртное вступило в бурную реакцию с сознанием, но Рома неожиданно ощутил себя старым. Конечно, до кладбища еще пилить и пилить, но и молодость, можно сказать, была уже пройденным этапом.

«Вот он, кризис среднего возраста», – депрессивно подумал похмельный Роман, недавно перешагнувший тридцатилетний рубеж.

– Что ты в грязных брюках уселся на простыню? – возмутилась вернувшаяся из ванной посвежевшая Вика. Смыв поплывший боевой раскрас и причесавшись, она почувствовала себя увереннее. Халат, правда, пришлось надеть мамин, старенький и застиранный, поскольку свой она забыла в комнате. Но Вика знала, что у нее под халатом, и заранее гордилась. Она уже решила, что рыжего придержит до лучших времен, поскольку его присутствие помогало не думать о Диме, но и позволять кавалеру лишнего она не собиралась. Пусть помучается.

Он посмотрел на нее по-новому: молодая, гладкая девица, еще не ставшая женой, но уже покрикивающая, не тертая жизнью, самоуверенная, которая будет по любому поводу качать права и стараться скатать из квадратного мужика шарик, а из круглого нарезать кубиков... А он будет вечно подозревать, стараться соответствовать, тянуться за ее молодостью, которая не является ее заслугой, а просто дана ей, как факт? Да ну ее в баню!

– Тихо сам с собою я веду беседу, – Вика насмешливо прищурилась, наблюдая за его мимикой. Никакой особой уверенности в себе она не ощущала, тем более что под носом опять назревал прыщ, на бедре откуда-то нарисовался здоровенный лиловый синяк, а все тело покрылось мурашками, превратив ее нежную кожу в подобие ошипанной куриной гузки.

Рома тем временем успел окончательно разозлиться на себя и понять, в чем смысл жизни. Смысл был не здесь, за ним нужно было немедленно уйти, каким-то образом распрощавшись с девицей. Обижать ее не хотелось, ничего плохого она ему не сделала, но и жертвовать еще одним днем своей жизни он не собирался. Если бы они были хотя бы у него, ведь дома, как известно, и стены помогают. Но в этой чужой комнате, с пыльными мягкими игрушками, дурацким ковром на стене и горой безделушек на полках обшарпанного серванта, он чувствовал себя транзитным пассажиром, которому нужно быть начеку, чтобы не сперли чемодан.

– Отвернись, – потребовала Вика и, не дожидаясь, пока просьба будет исполнена, сбросила халатик. – Мне надо переодеться.

К ее немому изумлению, Рома действительно отвернулся, послушно уставившись в окно. Это было неожиданно, поскольку она как раз думала, что именно сейчас все и случится. Вика растерялась и юркнула к шкафу за нижним бельем. Руки тряслись, а спина съеживалась от ожидания, что парень все-таки встанет, подойдет и... Она уже опять хотела, чтобы все произошло именно сегодня. В голове величаво проплыла неожиданно умная мысль: чтобы понравиться Диме и переплюнуть Маринку, надо сначала набраться опыта. А с кем, как не с этим рыжим? Кого и когда еще она затащит на свой старый диван. И почему от нее мужики шарахаются, как от прокаженной? Надо будет выяснить мнение Ромы на этот счет. Сзади не доносилось ни звука, даже дыхания не было слышно.

«Может, он там в обмороке от избытка чувств и впечатлений?» – с надеждой подумала Вика, но ее мечтам не суждено было оправдаться. Ухажер сидел, как бюст партийному вождю, расправив плечи и уставив глаза в светлую даль.

– Я все, – объявила она и уже менее уверенно добавила: – Пойдем пить чай.

В ее голосе послышались умоляющие нотки, и Рома не рискнул отказаться.

Они прошли по коридору, похожему на замысловатый коротенький аппендикс, и попали в маленькую уютную кухню.

– Познакомься, моя мама, Екатерина Андреевна.

– Очень приятно, Роман, – Рома, тяготившийся неизбежным ритуалом и занудством предстоящего чаепития, вежливо наклонил лысеющую лобастую голову и густо покраснел до кончиков ушей.

– Мне тоже приятно, – ласково и певуче ответила Екатерина Андреевна, смутив гостя искренним радушием.

– Рома у нас ночевал, – внесла ясность Вика, чтобы легализовать положение кавалера.

– Да, – торопливо подтвердил Рома. – Возвращаться было уже поздно. Извините, что так получилось.

Он чувствовал себя хуже, чем уж на сковородке. Почему-то молодая мама смущала его кружавчатым декольте тонкой кофточки, но главное – давила необходимость как-то донести до этой славной женщины, что если ей и суждено стать тещей, то вовсе не его. С мамами его до сих пор не знакомили, поэтому на Рому давило чувство ответственности момента. Состояние души было таким же, как при встрече с одним из давних знакомых, который неожиданно воспылал к нему дружескими чувствами, приперся с бутылкой вспоминать былое, а в результате попросил в долг довольно крупную сумму. Тогда тоже и не дать было неудобно, и давать было ни в коем случае нельзя. Поэтому душа завязывалась узлом и стыдливо пряталась в желудке, заставляя его неприятно ныть.

Екатерина Андреевна, не подозревавшая о его внутренних терзаниях, ласково и внимательно рассматривала возможного родственника, заставляя того краснеть и ерзать, как нерадивого студента на экзамене.

Роман понял, что сейчас его начнут допрашивать по всем пунктам биографии, но ошибся. Екатерина Андреевна лишь выяснила, чай или кофе он предпочитает в это время суток, и гость, плохо ориентировавшийся, в какое именно время суток он проснулся и в данный момент страстно желавший только пива или, на худой конец, огуречного рассола, вынужден был согласиться на кофе.

Вику мучило какое-то странное ощущение неправильности происходящего, как будто вот-вот кто-то должен был ее разбудить и жирной красной ручкой исправить все ошибки, расставив на полях судьбы возмущенные галочки. Первый опыт совместной ночевки с мужчиной получился каким-то вывернутым наизнанку: как себя вести с ним, с мамой, и вообще – есть ли смысл продолжать отношения, она не знала. Рома торопливо прихлебывал обжигающий кофе, видимо, желая допить побыстрее и слить. Она вдруг испугалась, что он вот так сейчас все высосет и исчезнет из ее жизни навсегда, оставив лишь невразумительные воспоминания о себе и еще один букет комплексов, который всенепременно должен был вырасти на почве очередного облома в личной жизни никому не нужной девчонки. Она судорожно пыталась придумать тему для разговора, но мысли вредными скользкими головастиками юрко ныряли в сознание, не задевая извилин. Над столом зависла тягучая ватная тишина, нарушаемая лишь Роминым прихлебыванием.

«Все. Сейчас он выжрет свой кофе и попрощается», – тоскливо поняла Вика, с раздражением зыркнув на неизвестно чему улыбающуюся маму. Перед мамой тоже было стыдно за свою непристроенность. Она чувствовала себя рыбаком, упустившим на глазах у сотоварищей большую ленивую рыбину, приплывшую и выбросившуюся на берег к ее ногам. Из ржавого кухонного крана с отвратительным плюханьем капала вода. Капли срывались с его изъеденного коричневыми разводами ржавчины носика и ныряли в немытую тарелку с остатками каши.

Роме тоже надоела пафосная минута молчания, сильно затянувшаяся и от этого очень нервировавшая и дезориентировавшая его. Кофе заканчивался, а он так и не придумал, как освободиться от тягостного общества двух одиноких дам. Вода, надоедливо отсчитывавшая секунды за его спиной, навевала воспоминания о блокадном метрономе и вызывала нервную чесотку. Кран хотелось залепить скотчем, заткнуть пальцем или вообще оторвать, чтобы только не слышать этого мерного звука падавших капель.

– А что с краном? – в гробовой тишине, которая, казалось, не беспокоила только добродушную Екатерину Андреевну, вопрос бабахнул пушечным выстрелом, изумив и напугав не только отчаявшуюся подобрать тему для беседы Вику, но и самого вопрошавшего.

– Ай, – махнула рукой мама, не дождавшись, пока дочка соберется с мыслями и найдет в себе силы поддержать светскую беседу, слегка отклонявшуюся от привычных канонов, – мы уже привыкли. У меня вообще такое чувство, что он всю жизнь неисправен. Во всяком случае наш сантехник поставил какой-то неутешительный диагноз и оставил пациента умирать.

– Надо посмотреть, – солидно кивнул Рома, с одной стороны – радуясь, что вывернулся и закончившийся кофе не поставил его перед необходимостью выдавливать из себя повод для бегства, а с другой – злясь на себя за проявленную инициативу: он категорически не чувствовал желания ковыряться в старом кране и прилегающих к нему трубах.

– А разве вы разбираетесь в этом? – искренне удивилась Екатерина Андреевна.

– Я много в чем разбираюсь, – с юношеским бахвальством тряхнул лобастой башкой Рома и приосанился. Получилось как-то глуповато, совсем по-мальчишески. Он густо покраснел, приобретя глубокий свекольный цвет лица. Рома ощутил непонятно откуда взявшееся желание непременно понравиться Викиной маме и произвести впечатление.

– Вы по профессии кто? – доброжелательная улыбка Екатерины Андреевны не давала повода заподозрить в ее вопросе коварного подтекста, который, как он помнил по рассказам бывалых друзей, всегда содержался в любой реплике многоопытной дамы, метящей на должность тещи.

– Да так... – этой неопределенностью Рома хотел придать себе веса в ее глазах, но получилось опять несолидно, и он стушевался.

– Тебе инструменты нужны или, может, не надо? – жалобно пискнула Вика, опасаясь грядущего позора. Она была уверена, что кавалер, небрежно швырявшийся дензнаками в ночном клубе, способен только раскурочить и без того хилую сантехнику, создав лишние проблемы.

– Нужны, – Рома напыжился, сложив подбородок в щетинистую гармошку. – Не ногтями же я это все оттирать буду.

Вика беспомощно покосилась на маму, но та, казалось, ничего из ряда вон выходящего в ситуации не видела. Наоборот, в ее глазах вспыхнул азарт, и

Екатерина Андреевна, легко подхватившись, метнулась к стенному шкафу в коридоре, словно боялась упустить залетного гастарбайтера, из которого по дешевке можно извлечь много пользы. Конфронтация с местным сантехником, мутно скользившим по ней то похмельным, то хмельным взглядом и требовавшим непомерную сумму за починку крана, аргументируя цифру невнятной сугубо сантехнической терминологией, ей невероятно надоела, и грех было не воспользоваться подвернувшимся шансом. А заодно и проверить рукастость дочкиного кавалера. Екатерина Андреевна еще не решила, нравится ли ей этот мальчик, которого она уже успела окрестить про себя Рыжиком, и, конечно же, отметила, что парень намного старше Вики. Хорошо это или плохо, она тоже пока не решила.

Инструменты остались еще от деда, но, поскольку в квартире обитали две женщины, их уже лет десять никто не трогал. Несколько лет назад во время очередной генеральной уборки Екатерина Андреевна свалила все сомнительные железки в большой чемодан, с которым Вика в далеком детстве ездила в пионерский лагерь, и благополучно о нем забыла до лучших времен. И вот эти времена наступили.

Чемодан, впавший в летаргический сон, тускло поблескивал с антресоли мутноватыми замками и сладко улыбался здоровенной металлической ручкой.

– Так, держи лестницу, – скомандовала мама Роману и проворно полезла под потолок. Увидев перед своим носом ее розовые коленки, Рома чуть не выронил ходившую ходуном хлипкую стремянку. Коленки бодренько пошагали дальше, заставив бедного парня, свернув шею, изучать замысловатый цветочный узор на обоях в прихожей. Он так увлекся подсчитыванием горошин в бледно-зеленом букете, что даже вздрогнул, когда Екатерина Андреевна, неожиданно вплывшая в его поле зрения, запыхавшись проговорила:

– Уму непостижимо, как я его туда затащила. Давайте вы.

– Угу, – разбуженным филином ухнул Рома и начал послушно карабкаться к антресолям.

Едва только он дернул неподъемный чемодан, как в коридор притопала Вика с неурочным вопросом: «Чего так долго?» Поскольку такое понятие, как везение, было с ней абсолютно несовместимо, она озвучила свой вопрос, встав ровно под

правым локтем Ромы, уже рванувшего чемодан на себя. Добровольный сантехник, бдительно отслеживающий траекторию полета баула, чтобы не задеть ненароком потенциальную тещу, с длинной матерной тирадой дернулся влево, повалившись вместе со стремянкой на зазевавшуюся Екатерину Андреевну.

Реакции мамы мог бы позавидовать любой разведчик: лестницу она умудрилась все-таки удержать. Поэтому к полу Рома летел вдвоем с чемоданом.

– ...хорошо, что он упал на инструменты, а не инструменты на него, – услышал он робкий голос Вики, который тут же был дополнен выступлением интеллигентной мамы, внезапно растерявшей свою доброжелательность и сообщившей о дочери много интересных подробностей, ранее кавалеру неизвестных.

– Да уж, просто замечательно получилось, – прокряхтел он, садясь. – Каждый день бы так!

– Ромочка, как вы? – всполошилась Екатерина Андреевна, перестав пересказывать Викину биографию и переключившись на раненого. – Где болит?

Болело в принципе везде, но не сильно, поэтому он мужественно махнул хрустнувшей в локте рукой и улыбнулся, как супермен из боевика, залитый кетчупом и оповещающий зрителей, мол, все о'кей, не извольте беспокоиться.

– Вам надо к врачу, – не унималась Екатерина Андреевна, в глазах которой стояли слезы, а руки тряслись от пережитого волнения.

– Ерунда, я не так уж долго летел, – качнул он головой, пытаясь пошутить. Мама повернулась к застывшей в скорбной позе Вике, и Рома подумал, что если бы его сейчас здесь не было, то Виктория стопроцентно заработала бы подзатыльник.

– Все хорошо? – глупо улыбнулась девушка, пытаясь угадать по Роминому лицу, что он сейчас о ней думает. Его маленькие глазки абсолютно ничего не выражали, но чисто теоретически о ходе его мыслей она догадывалась.

– И могло бы быть лучше, да некуда! – в сердцах ответила за него Екатерина Андреевна.

Невзирая на эту мелкую неприятность, Рома все-таки занялся краном. Ему понравилось, с какой готовностью ему подаются инструменты и каким подобострастным тоном задаются вопросы. Он рос без отца, поэтому еще со школьной скамьи научился управляться с любыми бытовыми поломками. Роман уже успел забыть, когда он в последний раз собственноручно занимался починкой кранов, поскольку его доходы позволяли вызывать нормальных сантехников, а не жэковских монстров, по непредсказуемому расписанию вылезавших из канализации и, не вытирая ног, топавших по квартире, оставляя мокрые вонючие следы на полу. Да и не ломалось у него пока ничего. Но вспомнить юность было приятно, тем более что краем глаза он постоянно ловил уважительное и благоговейное выражение лица Екатерины Андреевны. Правда, Вика, возжелавшая изобразить умелую хозяйку, внесла некоторую сумятицу, покидав в раковину грязную посуду, пока мама хлопотала над Ромой в коридоре. Посуду пришлось вынимать и пристраивать на тумбочку, на которой тут же образовалась мокрая грязная лужа.

Голова после вчерашнего уже прошла, и Рома даже начал насвистывать, косясь на мертвенно-бледную Вику, изнывавшую от похмельной слабости организма, но из чувства вины боявшуюся покинуть кухню и изображавшую искренний интерес к процессу.

– Все, – ему даже было жаль, что все так быстро закончилось. – Только кран надо менять, гнилой совсем. Через пару недель опять потечет.

Он степенно вымыл руки и с видимым удовольствием закрутил вентиль. Вода действительно капать перестала.

– Маринка вроде не говорила, что ты водопроводчиком работаешь, – раздраженно сообщила Вика, вдруг разозлившись на полное отсутствие романтики в их первом совместном утре и представив, как начался этот день у Бульбенко. С Димой. Кофе в постель, шелковые простыни, первый поцелуй... А все мама со своим краном!

– Я еще умею машину водить, но это же не означает, что я водитель троллейбуса. Просто я умею и все.

– Ну и? Может, тебе еще на чай дать? – раздражение выплескивалось из нее, как пар из кипящей кастрюльки, норовя сбросить крышечку.

– Вика, ты в своем уме? Веди себя прилично, а то молодой человек подумает, что я плохо воспитала дочь, – строго сказала Екатерина Андреевна, на которую Ромино мастерство произвело должное впечатление. Мужик в семье нужен был давно, но все как-то не получалось. Вика вообще никого не приводила, а ее собственные ухажеры норовили вкусно покушать, поспать на мягком, пораспускать хвост, а потом воровато, огородами бежали обратно в семью, чтобы через какое-то время снова гоголем ввалиться в ее скромную квартирку и поиграть в романтику. Капающий кран раздражал многих, но еще никто не предлагал его починить.

Рома засмутился, вспомнив, что его прочат, видимо, на место жениха или, как минимум, штатного кавалера, и уставился в потолок. По посеревшей штукатурке змеились крохотные трещинки и расползались разноцветные бледные пятна.

– Что, – ехидно поинтересовалась Вика, не в силах справиться с плохим настроением, бродившим в организме перестоявшим компотом, – оцениваешь фронт работ? Тогда в следующий раз приходи ко мне не с цветами, а с букетом малярных кистей и газетой, чтобы сложить из нее шапочку! У нас ремонта сто лет не было!

Екатерина Андреевна тихо охнула, а Рома с Викой одновременно уставились друг на друга. Викина уверенность в том, что он должен прийти еще раз, да не с пустыми руками, а с букетом хоть цветов, хоть кистей, стала неожиданностью для них обоих. Парень с удивлением покопался во внутренних ощущениях, чтобы проверить, нет ли у него в мыслях чего-то такого, что проступило на его лице и позволило похмельной девице так нагло распланировать его грядущие планы, а Вика, в свою очередь, попыталась разобраться, с чего это она взяла, что кавалер непременно собирается продолжить знакомство. Скорее всего ее физиономия теперь будет ассоциироваться у него с краткосрочным и впечатляющим полетом со стремянки, с головной болью, починкой крана, но никак не с чем-то красивым и пронзительным. Странно, что он вообще еще тут сидит, а не пятится к дверям, дабы навсегда покинуть это неприветливое и неотремонтированное гнездышко.

– Ромочка, вы знаете, Викуша у меня совсем не пьет, возможно, вы с ней вчера немного переборщили, поэтому она так странно себя сегодня ведет. Она вообще-то очень хорошая, домашняя девочка, и в институте у нее все хорошо, сама поступила без блата, – залопотала мама, поняв, что стремительно теряет золотые рабочие руки, и пытаясь достать очумевшую дочь ногой под столом, чтобы вывести чадо из злобного транса и сосредоточить на охмурении жениха.

– Я так и понял, – нейтрально согласился Роман, из чего никак нельзя было сделать хоть какой-то вывод о том, что именно он понял.

«Что я наделала, он сейчас уйдет». Вике захотелось дать себе по голове. Конечно, Дима не шел ни в какое сравнение с внешне непривлекательным Ромой, но лучше синица в руках, чем журавль в небе, тем более что журавля уже окучила и окольцевала опытный орнитолог Бульбенко, а вот Вика как раз умудрилась проворонить даже синицу, от щедрот подsunутую ей заботливой Маринкой. Что толку сохнуть по Диме, недоступному, как голливудская суперзвезда, когда и ежу ясно, что не по Сеньке шапка. Так можно до самой старости сидеть в девках, слушая Маринкины рассказы и мучительно завидуя ее удачливости. И какой прок от бульбенковских советов, как правильно выбирать мужа, если выбор отсутствует как таковой. Это у Маринки кастинг, а Вика вынуждена гоняться за одиночными экземплярами, по недоразумению пересекающими ее жизненное пространство. И то эти самые экземпляры давно мутировали, как городские комары, которые не реагируют на фумигаторы, летают со скоростью мух и сливаются со стенами. Чтобы их поймать, нужна опытная и красивая Маринка, а не медлительная Вика, которая умудрялась упускать то, что ей приносили в клювике.

– Может, еще кофе? – Екатерина Андреевна отчаянно пыталась выровнять их входящие в штопор отношения.

– Нет-нет, спасибо...

– Тебе пора, – машинально подсказала Вика и, выпучив глаза, закрыла рот ладошкой.

– Да, – кивнул Рома. – Было очень приятно познакомиться.

– Заходите еще, – едва не прослезилась от расстройства мама.

– Обязательно...

– Кисточки не забудь, – упрямо добавила ему в спину Вика, изумившись этому очумевшему от вседозволенности внутреннему голосу.

На ее реплику Рома не ответил.

Когда дверь хлопнула, она сжалась и вобрала голову в плечи.

– Ой, только не надо тут изображать жертву родительских репрессий. Можно подумать, что я тебя бью! – мама сердито грохотала посудой, оставшейся от чаепития. – Уму непостижимо! Что на тебя нашло? Парень хозяйственный, рукастый, спокойный!

– Он мне не нравится, – попыталась защититься Вика. – Если тебе нравится, вот ты с ним и общайся. Он тебе тут, глядишь, все починит!

– Нет! Можно подумать, что я тебе его навязываю! Но ведь это ты его вчера привела и с ним спала! Или я ошибаюсь? Если не нравится, зачем в дом тащить?

– А я хозяйственная. Все, что плохо лежит, тащу в дом! – примирительно хихикнула Вика.

– Да? – неуверенно улыбнулась мама. – И где это он «плохо лежал»? Ты его что, на газоне подобрала?

– Мам, я влюбилась, – не в тему сообщила Вика.

– Ты же говорила, что он тебе не нравится. Только что. И выставила мальчика на улицу! – Мама выключила воду, бросив в мойке недомытую посуду, и уселась напротив, внимательно вглядываясь в лицо дочери.

– Я не в него влюбилась, в другого, – вздохнула Вика. Посоветоваться все равно было не с кем, а поделившись с мамой, она почувствовала некоторое облегчение, как будто разделила на двоих тяжелую ношу.

– Так и вела бы того!

– Того и без меня увели. Он тоже плохо лежал, но я не успела.

– Викуша, а зачем же ты с Ромой тогда... сегодня?.. – мама смешалась, не зная, как спросить, чтобы не задеть чувства и без того неадекватной дочери. – Ты же

никуда не опаздываешь. Не надо раньше времени глупости делать. Я вот родила тебя, когда совсем молоденькая была. Это очень тяжело, это страшно тяжело. Нет, ты не подумай, я не жалею, только жизнь ломать не надо...

- В смысле, я сломала тебе жизнь? - не поверила своим ушам Вика.

- Не ты, а твой отец. Это разные вещи.

- Ну так и сделала бы аборт! А я бы сейчас не мучилась!

- Типун тебе на язык, - мама шлепнула рукой по столу. - Так даже говорить нельзя, не то что думать! Ни в шутку, ни всерьез!

- Да ладно, это я так, от расстройства болтаю. Сама не знаю, что на меня нашло. Бес попутал, не иначе, - Вика горестно вздохнула. На безрыбье и рак - рыба. Правда, этот рак только что резво уполз обратно в воду не без помощи горе-невесты. Точно, мама совершенно права, сглазил ее кто-то. Иначе чем объяснить то, что, решив придержать Рому до лучших времен, она сделала все, чтобы выпереть его из квартиры, оставив о себе весьма нелестные воспоминания.

- Викуша, давай сходим в одно место. Я женщину знаю, она магией занимается...

- Я, мам, и так уже - в одном месте! - махнула она рукой. - Просто бред какой-то.

- Димуля-аааа, - Маринка лениво потянулась, красиво выставив из-под одеяла грудь. - Какие у нас сегодня планы?

Дима рылся в борсетке и пробормотал что-то неразборчивое.

- Э, юноша, я с кем разговариваю? - Марина вытянула голую ногу и поддела большим пальцем его футболку, мятой тряпкой свешивавшуюся над ремнем. - А что на тебе за тряпочка, кто ее так качественно пожевал, пока мы делом занимались?

Дима быстро чмокнул ее, продолжая копаться в бумажках, и сообщил:

- Ей не повезло. Своим делом мы занимались именно на ней.

- Фу, надень что-нибудь чистое, - Маринка брезгливо отпихнула его и села.

- Чистое у меня закончилось. Вот приедет мама из отпуска и сдаст все в прачечную. Хотя, может, ты хочешь постирать сама? У тебя нет такой эротической фантазии? Представляешь, ты, голая, в ванной...

- ...стираю твои грязные трусы и носки, - закончила мысль Маринка. - А ты, тоже голый, прибиваешь всякие полочки, пылесосишь пол и моешь унитаз. Ершиком! Фантазия и извращение - это разные вещи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/larina_arina/dos-e-na-nevestu

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)